

A romantic couple in a candlelit room. The man, with dark hair and tattoos on his neck and chest, is holding a large, ornate key. He is looking down at the woman, who has long dark hair and is wearing a black dress. They are in a close embrace, about to kiss. The background is filled with many lit candles, creating a warm, atmospheric glow.

МЭРИ СТЕЙН

АБСОЛЮТ
Черный ключ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Абсолют

Мэри Стейн

Абсолют. Черный ключ

«Автор»

2026

Стейн М.

Абсолют. Черный ключ / М. Стейн — «Автор»,
2026 — (Абсолют)

Мреть побеждена. Великий Разлом закрывается, затягивая свои шрамы. Эпические битвы позади, а древние тайны и загадки наконец раскрыты... или это лишь очередная иллюзия? Иногда цена света — абсолютная тьма. Иногда триумф — это лишь синоним величайшей потери. Триста лет ледяного сна. Триста лет верного ожидания. Триста лет клятвы Генералов, оберегавших тайну, которая могла сжечь мир. Всё забыто. Магия заснула под кожей, и в мёртвой, стерильной тишине набатом пульсирует лишь один пугающий вопрос: «Кто я?» «Абсолют. Черный Ключ» — третья, заключительная часть Саги. Король вернулся за своей Королевой. И если ради неё нужно выжечь чужую реальность дотла — мир сгорит дотла.

© Стейн М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Кайлан	5
Глава 1.	7
Глава 2.	18
Глава 3.	29
Глава 4.	54
Глава 5.	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Мэри Стейн

Абсолют. Черный ключ

Пролог. Кайлан

Переход был похож на падение в бездну — только без дна.

Мир сжался в одну ослепительную точку, а потом взорвался тишиной. Не той, что наступает после битвы, — живой, выстраданной, пропитанной стонами раненых и треском догорающих костров. Другой. Мёртвой. Стерильной. Будто кто-то выключил звук на всей планете, оставив лишь гулкий звон в ушах.

Сознание вернулось рывком. Свет бил по сетчатке, слепящий и неестественный. Когда зрение прояснилось, стало ясно: стою в огромном холле. Стены из чёрного мрамора, пол, выложенный золотыми жилами, тяжёлые бархатные портьеры — всё это напоминало замок, спальню, купель. Но было чужим. Неправильным.

Воздух пах иначе. Здесь не было запаха озона после грозы, не было терпкой стали и дыма. Только химия — резкая, искусственная сладость дорогого парфюма, оседающая на языке привкусом металла. Захотелось кашлянуть, но усилием воли подавил рефлекс. Здесь нельзя показывать слабость — даже воздуху.

Магия не исчезла — она заснула. Сжалась, спряталась глубоко под кожу, в кости, в самую суть. Теперь она лишь едва заметно пульсировала, напоминая: я здесь, я жив, но ты меня не достанешь. Не сейчас.

Даже тишина здесь была другой. Не живой, не дышащей — мёртвой, как в склепе. Как в том склепе, где она стояла на коленях и плакала, прижимаясь лбом к холодному камню. Как в том, куда каждый год приносил чёрные лилии, молясь теням, которые больше не отвечали.

Рядом уже приходили в себя Мортифер, Адриан и Марта. Короткие, резкие фразы, быстрая оценка обстановки — не стен, не запахов, не света, а угроз. Но слова тонули в гуле собственной крови.

Кожа между лопатками заныла — тот самый древний инстинкт, который кричал: «Он здесь».

Из теней, скрытых за массивной колонной, на меня смотрели два алых глаза. Без зрачков. Без сомнений. Без страха.

Из мрака выступила фигура. Высокая, облачённая в тёмные одежды, с длинными красными волосами, ниспадающими на плечи, как река запёкшейся крови. За спиной — огромные крылья цвета тёмного рубина. Не агрессивные, не боевые — сложенные, почтительно прижатые. Но стоило им расправиться — и они закрыли бы небо. Крылья были царственными. Как и сам их хозяин.

Тело отказывалось подчиняться. Привыкшее к бою, к ударам, к тому, что враг не ждёт, — сейчас оно замерло. Потому что это лицо знал. Эти глаза. Этот разворот плеч и манеру держать голову — чуть склонённой, но не в покорности, а в вечной, нерушимой преданности.

— Ты... — голос прозвучал глухо, почти хрипло. Неузнаваемо. В нём не было той стальной уверенности, к которой привыкли легионы. — Ты не можешь быть здесь. Ты остался там. Под Куполом. В Мортум-Кере.

Архистратиг опустил на одно колено. Не спеша, не торопясь — с достоинством, которое не купишь за деньги и не выпросишь у богов. Крылья развернулись веером, касаясь мраморного пола, длинные красные волосы скользнули по чёрному камню, как струи расплавленного металла.

— Я ждал тебя, мой Король. — Голос низкий, ровный, но под этой ровностью — древняя, выстраданная вера. — Триста лет. Здесь. В этом мире.

Ни один мускул на лице не дрогнул — этому учился ещё в той жизни, до неё, до всего. Но пальцы, сжимавшие рукоять меча, дрогнули. Только на секунду. Но он заметил. Он всегда замечал.

— Ты был там, — повторил бессмысленно. Слова застревали в горле, не желая выходить. — Я помню. Ты стоял у ворот, когда Купола опускались. Я думал...

— Ты думал, что я мёртв. — Архистратиг поднял голову, и алые глаза встретились с моими. Без обвинения. Без боли. Только правда. — Я знаю.

Короткая пауза. Губы дрогнули в той самой, едва заметной улыбке, которую помнил по дням, когда мы были не королём и подданным, а просто... друзьями. Почти братьями.

— Но нас выбросило сюда. Не только меня. Многих. Мы выжили. Построили новую жизнь. И всё это время ждали.

В холле стало так тихо, что слышно было, как бьётся сердце. Тяжело, неровно — как тогда, в замке, когда она впервые сказала «останься».

Мортифер замер. Адриан перестал дышать — впервые в жизни, наверное. Марта прикрыла глаза и медленно выдохнула — не от боли, от облегчения.

Смотрел на того, кого считал потерянным навсегда. И молчал. Потому что слов не было. Потому что триста лет одиночества только что разбились о два алых глаза, которые ждали всё это время.

Варидан поднялся с колена. Сделал шаг вперёд — и замер, глядя прямо в глаза.

— Добро пожаловать домой, мой Король.

Ответа не последовало. Но я был здесь. Был жив. И собирался найти её.

Даже если для этого придётся сжечь этот мир дотла.

Глава 1.

— Где мы? — спросил, осматривая помещение.

Чёрный мрамор, золотые жилы, тяжёлые портьеры. Всё чужое. Всё неправильное. Даже свет здесь был другим — не живым, не магическим, а электрическим, холодным, режущим глаза. Чувствовал себя камнем, который бросили в стеклянный дом. И этот дом вот-вот должен был треснуть.

— Это Ноктэрра, — ответил Варидан. — Мир людей.

Его голос был ровным, спокойным, но я слышал — под этой ровностью что-то дрожало. Не страх. Нет. Три века ожидания не знают страха. Скорее — нетерпение.

— Где сыновья? — сделал шаг к нему. — Тейрн, Локейрин? АДА?

Голос стал твёрже. В нём не было паники — только сталь. Та самая, которую она ковала в себе пятнадцать лет, которую я ковал в себе триста. Вопрос был не про «где» — вопрос был про «когда их увижу».

— Адаэлла Валориан? — уточнил Варидан.

Посмотрел на него. В упор. Так, что даже Мортифер за спиной, кажется, перестал дышать.

— Именно, — отчеканил. — Королева.

Варидан кивнул. Не отвёл взгляд. Выдержал. Потом достал из кармана что-то плоское, металлическое, начал водить пальцами по поверхности. Не понимал, что это. Не магия. Не артефакт. Что-то другое — чужое, механическое, но живое.

Поднёс эту штуку к уху.

— Они у тебя? — спросил он.

Голос на том конце был глухим, но я разобрал:

— У меня.

— Адаэлла с ними? — спросил Варидан.

Пауза. Короткая. Но в этой тишине услышал, как кто-то начал кашлять — натужно, с хрипотцой. Потом голос, удивлённый, почти испуганный:

— Королева?

— Быстро отвечай, да или нет, — отрезал Варидан. В его голосе не было угрозы — была констатация факта. Вопросов не задают. Отвечают.

— Нет.

— Понял.

Варидан убрал штуку от уха, снова начал тыкать в неё пальцами. Смотрел на его руки. Они не дрожали. Но двигались быстрее, чем нужно. Снова поднёс к уху.

— У тебя две минуты найти королеву, — сказал Варидан. Голос его стал тише, но от этого только жёстче. — Передай всем: чёрные длинные волосы, лазурные глаза или ярко-голубые, на вид лет тридцать-тридцать пять.

Он замолчал, слушая ответ. Потом добавил, чеканя каждое слово:

— Ты слышал. Две минуты. Жду. Через две минуты не доложишь — прострелю яйца. Работай.

Он убрал руку. Посмотрел на меня.

— Ждём, — сказал он.

Тишина. Стоял посреди чужого холла, смотрел на человека, которого считал мёртвым, и чувствовал, как время течёт сквозь пальцы. Как её время. Как её жизнь. Две минуты. Сто двадцать ударов сердца. Пересчитаю каждый.

Прошло ровно шестьдесят секунд. Минута. Он уложился.

Из плоской металлической штуки послышалась странная музыка — не магическая, не живая, а какая-то... механическая. Рваная. Чужая. Не понял, что это было — но Варидан, кажется, понял. Его лицо не изменилось, но пальцы, сжимавшие устройство, побелели.

— Быстро и чётко, — сказал он.

Голос на том конце заговорил — глухой, напряжённый, с хрипотцой. Каждое слово врезалось в память:

— Авария. В центре. Врезалась в фуру. Состояние критическое. Везут в больницу Орвэлла. Наши подтягиваются. Врачи будут чуть позже.

Смысл половины слов ускользал. Фура? Больница? Врачи? Но суть уловил. Её тело нашли. Она была жива — но на грани. Критическое состояние. Эти слова вонзились в грудь тяжелее любого клинка.

— Понял, — отрезал Варидан.

Он убрал руку, посмотрел на меня. Его алые глаза — без зрачков, без тени сомнения — встретились с моими.

— Переоденьтесь, — сказал он, обращаясь уже ко всем. — И выезжаем. А то люди подумают, что вы в фильме снимаетесь.

Шаг вперёд. Голос низкий, хриплый, чужой — таким говорят только в бою.

— Да насрать, — сказал. — Сейчас же едем.

Варидан не отступил. Не отвёл взгляд. Не испугался.

— Кай, — голос стал тише, но твёрже. — Две минуты. Переоденемся — и едем.

Он сделал паузу. Сжал челюсть — так, что желваки заходили под кожей.

— Тут не Аурэль-Лар и не Мортум-Кер. Я всё объясню.

Смотрел на него. На его красные волосы, на его алые глаза, на его руки, которые не дрожали, хотя знал — они должны были дрожать. Он ждал триста лет. Я ждал триста лет. Но сейчас, в эту минуту, не мог ждать больше ни секунды.

Кивнул.

— Две минуты, — сказал. — Ни секундой больше.

Варидан кивнул в ответ.

— Две минуты, — повторил он.

Он повёл нас сквозь холл, мимо чёрных колонн и золотых прожилок в стенах. Пол вёл куда-то вглубь, в помещение из чёрного обсидиана — без окон, без картин, без ничего, кроме дверей. Три двери. Одна напротив двух.

Варидан открыл первую — жестом приглашая Марту.

— Марта, направо, — его голос был ровным, будто он отдавал приказы сотни лет. — Вы налево. Там... — он запнулся, — там одежда. Берите, что хотите, и едем.

Разошлись. Не смотрел на Марту. Не смотрел на Мортифера с Адрианом. Вошёл в свою дверь и начал стягивать одежду, которая помнила другую битву, другую жизнь, другую женщину.

Внутри висело то, что никогда не носил. Не кожа. Не металл. Что-то мягкое, тягучее, почти живое на ощупь — но чужое. Надел это, не глядя в зеркало. На ноги — что-то гладкое, с твёрдой подошвой. Не сапоги. Не ботинки. Но нога не жаловалась.

Мортифер уже ждал в коридоре, когда вышел. Адриан вышел через секунду, разглядывая рукава — не привыкший к таким тканям. Марта была в чёрном, строгом, с идеальной посадкой, но заметил: её пальцы, ещё минуту назад украшенные чёрными когтями, теперь были просто пальцами. Магия спала. Но она не спала.

Молчали.

— За мной, — сказал Варидан.

Он повёл нас вниз. Лестница уходила вглубь — не в подвал, не в цоколь, а в настоящий склеп. Стены здесь были голыми, без золотых прожилок, без портьер. Только чёрный камень и редкие огни, тусклые, как в катакомбах.

Внизу уже ждали. Узнал их. Каждого. Лица, которые помнил по Мортум-Керу, по тем дням, когда мы стояли плечом к плечу, ожидая конца. Личная гвардия Варидана. Те, кто не сдался. Те, кто выжил. Те, кто ждал.

Не ожидал их увидеть. Они стояли ровными рядами, в чужой одежде, но с той же выправкой, которую не спрятать. Никакого оружия — по крайней мере, видимого. Но знал: эти люди не нуждаются в оружии. Они сами — оружие.

Когда я вышел из тени, они опустили на одно колено. Без команды. Без слов. Их головы склонились перед королём, которого не видели триста лет. Не знал, что сказать. Слова застряли где-то в горле. Кивнул — коротко, тяжело, принимая. И они поднялись.

Потом открыли створки металлических повозок — чёрных, блестящих, с острыми углами и прозрачными глазницами, в которых отражался тусклый свет. Не знал, что это. Но понял: это их способ передвигаться здесь. Их кони. Другие. Глухие. Без дыхания.

— Садитесь, — сказал Варидан.

Сел внутрь. Мортифер и Адриан — рядом. Марта — спереди, рядом с Вариданом. Кожа обняла тело — мягкая, чужая, не звериная. Варидан повернул что-то рукой. Повозка вздрогнула и загудела — низко, мощно, хищно. Не как зверь. Как механизм.

Выехали из склепа.

Город встретил светом. Миллионы огней. Они были везде — в проёмах, вверху, в отражениях на мокрой земле. Смотрел на это и не мог отвести взгляд. Чёрные столбы уходили в небо, закрывая его острыми вершинами. Их грани отражали цветные всполохи — синие, розовые, золотые. Дома — не как в Астерлирии, не как в Остерии. Чужие. Огромные. Давящие.

Дороги широкие, но по ним текла река из таких же металлических повозок — красных, чёрных, белых. Они неслись, обгоняли, замирали у красных огней. Не понимал, как они не сталкиваются. Как этот хаос не превращается в пепел.

Люди — мелкие, быстрые, занятые собой. Никто не смотрел по сторонам. Никто не замечал, что по улице едут четверо бессмертных и краснокрылый ангел за рулём.

Смотрел на этот мир и не узнавал его. Чужой. Слишком быстрый. Слишком яркий. Слишком... пустой. Пахло гарью и влажной землёй. Не озоном. Не её волосами.

— Сколько до больницы? — спросил.

— Десять минут, — ответил Варидан. — Если не остановят эти... — он кивнул на красные огни впереди.

Не понял, что он имел в виду. Но кивнул. И мы поехали дальше — сквозь чужой город, к ней. Которая спала. Которая ждала, сама того не зная. Десять минут. Буду считать.

Подъехали к высокому зданию. Не знал, что это. Не знал, из чего построено. Стены из идеально гладких белых плит — не камня, не мрамора, а чего-то искусственного, холодного на ощупь. Чему нет названия, но что кричит об отсутствии души. Огромные проёмы, затянутые прозрачным стеклом, отражали небо. Внутри горел свет — ровный, белый, неестественный. Не магический. Не живой. Чужой.

У входа стояли повозки. Жёлтые — большие, тяжёлые, с мигающими огнями. И чёрные — такие же, как наша, блестящие, хищные, прижавшиеся к каменному бордюру. Их было много. Десятки. Не считал.

Ноги коснулись земли — твёрдой, ровной, выложенной серыми плитами. Ни травы, ни камней, ни пыли. Всё вычищено. Всё подчинено.

И в этот момент из соседней повозки вышли они.

Киан. Диар. Миар.

Узнал их сразу. Не по лицам — они изменились. Стали старше. Тяжелее. Взрослее.

Это уже были не семнадцатилетние юноши. Передо мной стояли мужчины лет двадцати пяти. Высокие, статные, с той самой выправкой, которую не купить и не наиграть. Диар — как всегда, выше братьев, его плечи шире, взгляд тяжелее, пронзительный, будто сканирует врага ещё до того, как тот сделает шаг. Киан — буря, готовая сорваться с места, в каждом движении — напряжение, готовность рвануть, ударить, сломать. Пальцы чуть подрагивают, и я знаю: там, под кожей, спит молния. А Миар — степенный, спокойный, как озеро на закате. Повязка на глазу не скрывает улыбки. Он всегда знает больше, чем говорит.

Узнал их не по лицам. Узнал по той самой связи, которую не разорвать ни порталом, ни временем, ни миром.

За ними — Тейрн. Локейрин. Они выглядели так же. Только одежда другая — чужой, непривычной, но она не могла скрыть их сути. Их осанки. Их власти.

А за ними, чуть позади — он.

Эларан. Верховный Целитель Аурэль-Лар. Белые волосы, собранные в высокий хвост. Лазурные глаза, которые помнил по дням, когда стояли у границ и ждали.

Это не могло быть правдой. Только не здесь. Только не он.

Смотрел на него, и время остановилось. Триста лет. Он ждал триста лет. В этом чужом мире, среди этих белых стен и мигающих огней. Ждал всех. Ждал её.

Эларан чуть склонил голову. Не поклон — приветствие старого друга.

— Ты здесь, — сказал. Глупо. Ненужно.

— Я всегда был здесь, Кайлан, — ответил он. — Ждал.

Не нашёл слов. Только кивнул.

Киан шагнул вперёд.

— Отец, — сказал он.

Одно слово. И в нём было всё.

Диар кивнул — коротко, по-своему. Но видел: дрогнули уголки его губ.

Миар улыбнулся. Повязка на глазу не скрывала её.

— Она внутри, — сказал он.

Челюсти сжались. Вены на шее пульсировали.

— Ведите, — сказал.

И мы пошли. Все вместе. К ней.

Мы шли по этим коридорам всей толпой.

Люди в белых халатах, в синих формах — они мелькали мимо, бросали любопытные взгляды, но никто не останавливался. Никто не спрашивал, кто мы и откуда. Этот мир был слишком быстрым, чтобы замечать чужаков. Или слишком слепым.

Свет здесь был другим. Не магическим — электрическим, ровным, белым. Он давил, слепил, лез под кожу. Я чувствовал себя зверем, которого загнали в клетку. Мои тени спали — но они ворочались. Они чувствовали её. Где-то там, за этими стенами, за этим белым, мёртвым светом.

Воздух здесь был слишком чистым. В нем не было запаха жизни — только резкий, щиплющий нос антисептик, который напоминал мне запах забальзамированных трупов в склепах Мортум-Кера. Моя кожа зудела под этой новой, мягкой тканью, будто она пыталась сбросить чужую оболочку.

Дошли до каких-то дверей.

Они были тяжёлыми, белыми, без ручек — открывались от прикосновения. У дверей стояли две женщины в синих костюмах. Синие блузки, брюки, и какие-то штуки на головах — наподобие шляп, но не шляпы. Их лица были спокойными, но я видел — они напряжены. Они знали. Что-то знали.

— Идёт операция, — сказала одна. Голос ровный, без эмоций. — Ждите.

Я видел, как Эларан сжал кулаки. Его лазурные глаза — те самые, что я помнил по Аурэль-Лар, — потемнели. Он не сказал ни слова. Только сжал пальцы так, что костяшки побелели.

— Сколько ждать? — спросил я у него.

Голос мой был чужим. Хриплым. Не узнавал его.

— Не знаю, — ответил он, не глядя на меня. — Присядем.

Он указал на стулья у дверей. Белые — не дерево, не камень, не металл, а что-то другое, чему у меня не было названия. Они были привинчены к полу. Не сдвинуть. Не переставить. Всё здесь было привинчено.

Я сел. Мы все сели.

Мортифер — рядом, прямой, как копьё, но его ледяные глаза смотрели в одну точку. Адриан развалился на стуле, закинул ногу на ногу, но я видел — он не расслаблен. Его разноцветные глаза — алый и лазурный — сканировали коридор, каждую дверь, каждого человека в белом халате.

Марта сидела с прямой спиной. Её чёрные когти исчезли — магия спала. Но она не спала. Её глаза смотрели на дверь, за которой была она.

Локейрин и Тейрн стояли у стены — не сели. Тейрн сложил руки на груди, и его ледяные глаза, всегда такие пустые, сейчас были... живыми. Тревожными. Локейрин сжимал рукоять меча, которого у него не было. Привычка.

Киан ходил туда-сюда. Его белые пряди падали на лоб, он смахивал их, но они возвращались.

Диар сидел с прямой спиной. Неподвижный. Спокойный. Слишком спокойный. Его глаза смотрели на дверь, и в них не было ничего, кроме ожидания.

Миар закрыл глаза. Повязка на левом глазу — чёрная лента — не скрывала того, что под ней мерцало. Он слушал. Не ушами — телом. Он чувствовал её. Где-то там, за белой дверью.

Эларан сидел рядом со мной. Его лазурные глаза были закрыты. Губы шевелились — он шептал что-то. Молитву? Заклинание? Я не спрашивал.

Я хрустел костяшками пальцев.

Тишина.

Только часы на стене — белые, с чёрными стрелками — отсчитывали секунды. Они щёлкали громко, будто били молотом по наковальне. Каждый щелчок — удар. Каждый удар — надежда. Каждый надежда — боль.

Я смотрел на дверь.

За ней была она.

— Кай, — сказал Варидан.

Не ответил.

— Кай, — повторил он.

Повернул голову. Его алые глаза смотрели прямо в мои.

— Она выживет, — сказал он. — Она не умрёт. Не сейчас.

Хотел сказать «откуда ты знаешь?». Но не спросил.

Я знал.

Она выживет.

Должна.

Тишина.

Щёлкнули часы.

Мы ждали.

Прошло много часов.

Перестал считать. Время потеряло смысл — оно текло иначе, не минутами и секундами, а ударами сердца, вздохами, щелчками часов на белой стене. Каждый звук отдавался в груди,

как удар молота по наковальне. Смотрел на дверь. Белую. Гладкую. Мертвую. За ней была она. И я не мог войти.

Вышел какой-то старик.

Не услышал его шагов — только скрип двери, которая открылась без ручки, только шорох белого халата, только его кашель — сухой, усталый, как у человека, который видел слишком много смертей, чтобы бояться их. Мы все поднялись. Даже Тейрн отлепился от стены. Даже Адриан перестал разваливаться на стуле. Киан замер на месте, его белые пряди упали на лоб, и он не трогал их.

— Вы семья? — спросил старик.

— Да, — ответили мы хором.

Не знал, кто сказал это первым. Может, я. Может, Марта. Может, все вместе. Голоса наши слились в один — низкий, тяжёлый, не терпящий возражений.

Старик опешил. Его глаза — выцветшие, за толстыми стёклами очков — округлились, когда он обвёл взглядом нашу процессию. Видел, как он считает нас. Один, два, три, десять, пятнадцать... Он сбился. И снова посмотрел на меня.

— Состояние критическое, — сказал он. Голос его дрожал, но он держался. — Попала под фуру. После такого... — он замолчал. Замялся. Пальцы его, сжимавшие планшет, побелели. — После такого не выживают. Как обычно.

Пауза. Тишина стала плотной, как стена.

— Но боги решили иначе, — добавил он тихо.

Он перекрестился. Я не знал, кому он молился — богам, которых не видел, судьбе, которой не верил, или просто привычке. Он посмотрел на меня.

— Она в коме, — сказал он. — Когда очнётся — не знаю. Что смогли — мы сделали. Травмы тяжёлые.

Я сжал челюсть. Вены на шее пульсировали. Слышал, как Мортифер за спиной скрипнул зубами. Как Адриан выдохнул — медленно, тяжело. Как Марта прижала ладонь к груди, туда, где под чужой тканью билось её сердце.

По коридору бежали какие-то мужчины в белых халатах.

Не шли — бежали. Быстро, слаженно, будто за ними гнались. Их ботинки скользили по белому кафельному полу, и этот звук — шорох резины, лёгкое постукивание каблучков — разрывал тишину, которая держала нас в плену все эти часы.

На бегу они кивнули Эларану. Коротко. Уважительно. Как кивают не просто коллеге, а тому, чье слово закон.

— Доктор Зирман, мы врачи «Белого Крыла», — сказал один из них, тот, что с пепельными волосами и цепким взглядом. — Приехали по экстренному вызову. Пациентка под нашей юрисдикцией.

Я не знал, что такое «Белое Крыло». Но старик — тот, который выходил к нам, тот, который говорил о богах и перекрестился, — он знал. И в эту секунду увидел, как цвет уходит из его лица.

Он посмотрел на прибывших врачей. Потом медленно, с трудом перевёл взгляд на Эларана. На его белые волосы, собранные в хвост. На его глаза, которые сейчас смотрели на старика не как на врача, а как на препятствие.

Старик побледнел так, что стал прозрачным. Глаза за толстыми стёклами очков расширились от ужаса. Рот приоткрылся, но звука не последовало.

— Б-б-белое Крыло? — выдавил он наконец. Голос сорвался, сел, будто кто-то сжал его горло. — Вы... вы из Центра?

— Мы из Совета, — холодно перебил мужчина с пепельными волосами. — И этот мужчина, — он кивнул на Эларана, — ваш старший куратор по этому случаю. Доктор Эларан.

Тишина стала звенящей.

Старик покрылся холодным потом. Видел, как капли выступили на его лбу, как он судорожно сглотнул, как его пальцы, сжимавшие планшет, задрожали так, что пластик скрипнул. Он понял свою ошибку. Понял, что стоял между Королём и его троном, даже не зная об этом.

— Простите... — прошептал он, и в этом шёпоте было больше страха, чем в крике. — Я... я не знал протокола. Я думал... Я не знал, как вы выглядите. Вашего фото нет нигде.

Эларан даже не повернул головы. Он просто снял свой черный пиджак — одним плавным движением, не глядя, и бросил его Марте. Та поймала ткань на лету, даже не моргнув.

— Мы врачи, доктор Зирман, а не модели глянца, — тихо сказал Эларан.

Это было не оправдание. Это был приговор.

Один из прибывших врачей уже протягивал ему стерильный белый халат. Эларан надел его быстро, привычно, будто надевал доспехи перед битвой. И, не оглядываясь на побелевшего старика, шагнул к двери реанимации.

— За мной, — бросил он через плечо.

Дверь закрылась за ними.

Стоял, смотрел на дверь.

Варидан подошёл ближе, и его голос, низкий и ровный, коснулся моего слуха:

— «Белое Крыло» — это наша больница. Там лечат тех, кто не должен умереть. Эларан не стал заходить сразу, потому что операцию начали человеческие врачи. Он уважает их протоколы. Но когда они закончат своё дело, он сделает то, что умеет только он.

Не ответил. Смотрел на дверь. Белую. Гладкую. Мёртвую. За ней была она. И теперь — Эларан. Тот, кто вытаскивал с того света. Тот, кто не давал умирать даже тогда, когда это казалось невозможным. Верил ему. Но всё равно боялся.

Прошёл ровно час.

Не считал. Знал. Каждая минута — удар сердца. Каждый удар — надежда. Каждый надежда — боль. Семьдесят два удара в минуту. Четыре тысячи триста двадцать за час. Пересчитал каждый. Дверь была белой. Гладкой. Мёртвой. Смотрел на неё и ждал.

Дверь открылась.

Эларан вышел. Не спеша. Не торопясь. Его белый халат был испачкан — я не знал чем. Кровью? Лекарствами? Тем, что не имело названия? Его лицо было бледным — бледнее обычного. Под глазами залегли тени. Он выглядел так, будто только что вернулся с войны. Или из бездны.

Он не смотрел на меня.

— Она без магии, — сказал он. Голос его был ровным, но я слышал — под этой ровностью что-то дрожало. Усталость. Боль. Облегчение. — Состояние критическое. Сейчас её тело — это тело человека.

Он сделал паузу. Я не дышал.

— Я всё, что мог, сделал, — продолжил он. — Исцелил сломанные кости, артерии, глубокие порезы и остановил кровотечение.

Он сжал челюсть. Желваки заходили под кожей.

— Но дальше — лишь работа её тела.

Тишина. Я слышал, как Мортифер за моей спиной выдохнул — медленно, тяжело. Как Адриан перестал дышать. Как Марта прижала ладонь к губам.

— Она жива, — сказал Эларан. — И это главное.

Он поднял глаза.

Посмотрел на меня.

Не знал, что ответить. Спасибо? Но она была жива. И это было главным.

Кивнул. Он кивнул в ответ.

— Когда её переведут в палату? — спросил я.

Голос мой был чужим. Хриплым.

— Тогда, когда сможет дышать сама, — ответил Эларан. Он смотрел мне прямо в глаза — не отводя, не мигая. — Сейчас она на ИВЛ.

Он замолчал. Видел, как дрогнули его пальцы, сжимавшие край халата. Как побелели костяшки.

— Если отключить... — он не договорил.

Тишина стала тяжёлой, как свинец.

— Мы будем рядом, — сказал он.

И положил руку мне на плечо. Сжал. Крепко. Так, как сжимают плечо брата, когда нет слов. Когда слова не нужны.

Я не ответил.

Смотрел на дверь.

Белую. Гладкую. Мёртвую.

За ней была она.

И я не мог войти.

— Что это всё значит? — спросил Диар.

Его голос был ровным, спокойным. Слишком спокойным. Знал эту маску. Он надевал её, когда мир вокруг рушился, а он должен был держать строй. Когда внутри всё кипело, но никто не должен был видеть.

Эларан повернулся к нему. Его лазурные глаза — те самые, что помнил по Аурэль-Лар, — смотрели на Диара без жалости. Без фальши. Только правда.

— Она попала в аварию, — сказал он. — Под фуру.

Он сделал паузу. Подбирал слова. Или собирался с силами.

— Это как если бы наковальня Стерна упала на неё, — продолжил он. — Только не одна наковальня. А пять.

Тишина.

Слышал, как Киан сжал кулаки. Как хрустнули костяшки. Как его пальцы едва заискрили — магия не спала, она взбесилась. Она чувствовала мать.

Диар не шелохнулся. Его лицо оставалось непроницаемым. Но я видел — его глаза, которые всегда смотрели спокойно, сейчас стали тёмными. Как грозовое небо перед бурей.

Миар молчал. Его повязка на левом глазу — чёрная лента — не скрывала того, что под ней мерцало.

— Она жива, — сказал Эларан.

И больше ничего не добавил.

Не надо было.

Варидан достал из кармана ту самую плоскую штуку, что уже показывал нам в холле. Пальцы — длинные, с идеальными ногтями — двигались быстро, уверенно. Он что-то тыкал в её поверхность, потом поднёс к уху.

— Наблюдать за больницей каждую секунду, — сказал он. Голос ровный, спокойный, но под этой ровностью — сталь. Власть. Обещание. — Все входы и выходы. Каждый лестничный проём, крыши, коридоры, въезды и выезды.

Пауза. Его алые глаза — без зрачков, без тени сомнения — смотрели на дверь. За которой была она.

— Охрана круглосуточная, — добавил он.

Металл в его руках скрипнул — негромко, но отчётливо. Пальцы побелели.

— Сообщать обо всём.

Он убрал руку. Спрятал устройство. Посмотрел на меня. Алые глаза встретились с моими.

— Никто не войдёт, — сказал он. — Никто не выйдет.

Я кивнул. Он кивнул в ответ.

Мы ждали.

— Пойдёмте, — сказал Эларан.

Голос тихий, но в нём не было вопроса. Только приказ. Только знание: здесь, в этом белом, стерильном коридоре, под мёртвым электрическим светом, нельзя говорить. Стены слышат. Или не стены — те, кто за ними.

Он оглядел стены и коридоры. Лазурные глаза скользнули по белым плитам, по дверям без ручек, по тусклым лампам. Не сказал ни слова. Только повернулся ко мне.

— Не здесь, — добавил он.

Кивнул. Мы все кивнули. Варидан уже отдавал приказы в свою плоскую штуку — коротко, резко, по-военному. Марта поправила воротник. Мортифер и Адриан переглянулись. Локейрин и Тейрн — молча, как всегда, встали по краям.

Киан, Диар и Миар — рядом со мной. Мои сыновья. Моя кровь. Они не спрашивали, куда мы идём. Они знали. Мы все знали.

Пошли. Всей толпой. К выходу. В чужой город. В чужую жизнь. К ней. Туда, где можно было говорить.

Сели в повозки. Не в те, что привезли нас сюда — в другие. Чёрные, блестящие, с острыми углами и прозрачными глазницами, в которых отражалось серое небо. Они ждали у входа, как верные псы, как стражи, как молчаливые обещания. Варидан сел за руль. Я — рядом. Остальные — за нами.

Видел, как к больнице подъезжают другие большие чёрные повозки. Они останавливались у входа одна за другой. Двери открывались бесшумно. Из них выходили мужчины — быстрые, слаженные, без лишних слов. Варидан кивнул им — коротко, едва заметно. Те кивнули в ответ. И ушли.

Видел у них какие-то перевязи на груди, уходящие на торс. В них что-то было. Оружие. Не мечи. Не арбалеты. Что-то другое — чёрное, металлическое, с короткими стволами. Не спрашивал. Смотрел.

Людей было много. Кто-то в чёрных костюмах, белых рубашках. Кто-то в чёрных брюках с нашивными карманами, в облегающей ткани с коротким рукавом. На ногах — ботинки с толстой подошвой. Они двигались бесшумно, но их присутствие было тяжелее, чем у любого солдата.

Люди в белых халатах замирали. Медсестра, та, что говорила с нами у дверей, замерла с открытым ртом, прижала папку к груди и отступила к стене. Люди в синих формах роняли папки. Бумаги разлетелись по белому кафельному полу. Никто не наклонялся их поднимать. Все смотрели на людей Варидана. На их лица — спокойные, безжалостные, ничего не выражающие. На их походку — плавную, хищную, как у зверей, которые знают, что они хозяева.

Они заходили в больницу. Не все — только те, кто должен был быть внутри. Те, кто мог видеть её. Кто мог защитить её, если что-то пойдёт не так.

Варидан положил руку мне на плечо. Тяжёлую. Тёплую. Уверенную.

— Всё будет хорошо, — сказал он.

Его алые глаза — без зрачков, без тени сомнения — смотрели прямо в мои. Видел в них отражение своего лица. Усталого. Чужого. Но не сломленного.

— Ни один волос не упадёт с её головы.

Кивнул.

Мы поехали.

Все молчали. Даже Адриан. Сидел, смотрел в окно, и его разноцветные глаза — алый и лазурный — отражали огни чужого города. Не мигая. Не отрываясь. Не знал, о чём он думал. Впервые за всё время — не знал.

Марта смотрела только вперёд. Её профиль — острый, хищный, красивый — выделялся на фоне тёмного стекла. Не оборачивалась. Не смотрела по сторонам. Только вперёд. Туда, где мы могли говорить.

Мортифер сканировал. Изучал. Его ледяные глаза скользили по зданиям, по людям, по повозкам, по огням. Запоминал. Анализировал. Готовился.

Рядом, в другой повозке, ехал Эларан. Видел его профиль через стекло — белые волосы, собранные в хвост, лазурные глаза, устремлённые вперёд. Он не смотрел на меня. Он смотрел на дорогу.

Выехали за пределы города.

Здания стали реже. Огни — тусклее. Дорога — уже, темнее. А потом город исчез совсем. Только лес. Только тьма. Только огни нашей повозки, выхватывающие из темноты стволы деревьев, их корни, их ветви, тянущиеся к небу.

В нос ударил запах соли.

Знал этот запах. Не тот, что в Остерии — серый, холодный, пахнущий пеплом и смертью. Другой. Живой. Тёплый. Древний.

— Где-то рядом море, — сказал.

Никто не ответил.

Мы подъезжали к воротам — высоким, кованным, с острыми пиками, уходящими в небо. У ворот стоял человек в чёрной форме. Кивнул нам. Коротко. Уважительно. Потом что-то нажал на стене — на гладкой, чёрной, без единой трещины.

Ворота сами начали открываться.

Магия? Технология? Не знал. Ничего не знал. Этот мир был чужим, и каждый его новый угол напоминал мне об этом. Но я смотрел. Запоминал. Потому что здесь была она. И здесь был я.

Въехали на территорию.

Дорога была ровной — не каменной, не гравийной, а асфальтовой, чёрной, маслянистой. Вдоль неё стояли дома. Невиданные. Округлые, как яйца. Угловатые, как брошенные кубики. Разной высоты — одни уходили в небо, другие прятались в тени деревьев. Разного цвета — белые, серые, чёрные, даже синие и зелёные.

Свернули направо. Лес сомкнулся вокруг. Не такой, как в Остерии — серый, колючий, пахнущий мхом и холодом. Другой. Тёплый. Зелёный. Густой. Ветви деревьев смыкались над головой, закрывая небо, и только редкие лучи пробивались сквозь листву, расчерчивая дорогу золотыми полосами.

В нос ударил аромат.

Магия Аурэль-Лар. Узнал его. Он был в каждом камне, в каждой ветке, в каждом вздохе. Жасмин, соль, хвоя — они смешивались, переплетались, создавая что-то древнее, чему не было названия.

Мы подъехали.

Адриан присвистнул. Даже ничего не сказал. Только присвистнул.

Перед нами стоял дом. Белый кристалл, вросший в скалу. Не похожий на те, что мы видели по дороге. Он был живым. Его стены — не стены, а огромные панорамные окна — отражали небо, деревья, нас. Не давили — дышали.

Стеклянные террасы нависали над пропастью. Вода стекала с них тонкими струями, падая вниз, в темноту. Сады на крышах спускались вниз зелёными каскадами, и их листья шевелились без ветра.

Дом стоял на краю обрыва. Внизу — океан. Слышал его дыхание. Чувствовал его соль. Знал его.

Эларан вышел. Поправил воротник рубашки — белой, с идеальной посадкой. Посмотрел на дом.

— Добро пожаловать в Элизиум, — сказал он.
И пошёл к двери. Мы — за ним.

Глава 2.

Зашли в дом.

Потолки уходили, кажется, в само небо. Знал почему. Аэлары не ходят по лестницам — им это не нужно. Их крылья помнят каждое движение, каждую воздушную яму, каждый восходящий поток. Лестницы здесь были — широкие, плавные, без острых углов — для тех, у кого крыльев нет. Для людей. Для нас. Но я чувствовал — эти стены видели и тех, и других.

Пошли куда-то. За Элараном. Он двигался бесшумно, его белый халат уже исчез — остался только чёрный костюм, идеальная посадка, лёгкий запах морской соли и жасмина. Смотрел на его спину и думал о том, сколько лет он ждал здесь, в этом доме, на краю земли. Один. Или не один.

Эларан открыл дверь.

Мы оказались в огромной комнате. Это был его рабочий кабинет. Понял это сразу — по запаху книг, по тяжести воздуха, по тому, как свет падал на бумаги. Шкафы — до потолка, забитые книгами. Толстыми, тонкими, старыми, новыми. Некоторые на незнакомых языках. Некоторые — с тиснением, которое узнавал. Аурэль-Лар. Мортум-Кер.

Полки — с какими-то разными металлическими штуками. Механизмы, названий которых не знал. Часы странной формы — без стрелок, с цифрами, которые мерцали и менялись. Бутылки — разные, от прозрачной жидкости до чёрной, будто ночь.

Огромный стол — из тёмного дерева, с идеально гладкой поверхностью. На нём лежали бумаги — ровными стопками, как доклады, как сводки, как отчёты о том, что происходило здесь, пока нас не было.

И окно. От потолка до пола. С видом на море.

Смотрел на него и не мог отвести взгляд. Океан был серым, спокойным, тяжёлым. Он дышал — медленно, глубоко, как зверь, который спит, но не просыпается. Волны лизали скалы внизу, и этот звук — тихий, ровный — напоминал мне о том, что мы всё ещё живы.

— Садитесь, — сказал Эларан. — Кому-то что-то налить?

Мы сели. Кто куда.

Тейрн и Мортифер остались стоять. Тейрн — у окна, сложив руки на груди. Его ледяные глаза смотрели на море, но я знал — он видел не волны. Он видел то, что было за ними. Угрозу. Или её отсутствие. Мортифер — у двери, прямой, как копьё. Он не опирался на стену, не расслаблялся. Он охранял.

Адриан развалился на кресле — нога на подлокотнике, голова откинута назад. Он выглядел расслабленным, но видел — его разноцветные глаза сканировали комнату, каждый угол, каждую полку, каждую тень. Он не доверял этому миру. И был прав.

Марта аккуратно присела в кресло, рядом с Локейрином. Её пальцы лежали на подлокотнике. Она не дрожала. Но знал — она чувствовала то же, что и я. Пустоту. Её отсутствие.

Локейрин сел рядом с ней. Их плечи почти касались. Он не смотрел на неё — смотрел на Эларана. Но видел, как его пальцы чуть сжались, когда она выдохнула.

Киан и Миар сели на диван. Киан — на край, готовый сорваться в любую секунду. Миар — в центр, закрыв глаза, откинув голову на спинку. Его повязка на левом глазу — чёрная лента — мерцала в свете ламп.

Диар остался стоять. Знал — он смотрит, анализирует, просчитывает, думает. Его спина — прямая, как струна. Его лицо — спокойное, непроницаемое. Но видел — его пальцы чуть сжаты. Он боялся. Как и мы все.

Сел на диван. Рядом с Миаром. Мягкая кожа обняла тело, но я не расслабился.

— Ладно, налью всем, — сказал Варидан.

Он подошёл к столу, взял бутылку с чёрной, будто ночь, жидкостью. Налил в бокалы — тяжелые, гранёные, которые отражали свет. Обошёл каждого. Не спрашивая, кто что хочет. Он знал.

— За неё, — сказал Варидан, поднимая бокал.

— За неё, — ответили мы.

Жидкость обожгла горло — не больно, а тепло, глубоко, по-настоящему. Она пахла шоколадом, виски, чем-то древним, что не умещалось в слова.

— Рассказывай, — сказал, глядя на Эларана.

Он кивнул. Сделал глоток. Поставил бокал на стол.

— Я ждал этого момента пятьсот лет, — сказал он. — И теперь, когда он настал... я не знаю, с чего начать.

— Начни с начала, — сказал Локейрин.

Эларан посмотрел на него. Кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — С начала.

И он начал.

— Нас выкинуло сюда, как только закрылись Купола, — сказал Эларан. Его голос был ровным, спокойным, но я слышал — под этой ровностью что-то дрожало. Пятьсот лет ожидания. — Мы не знаем, что это было и почему именно сюда. У нас до сих пор нет ответов. Вообще. Ни на один вопрос.

Он сделал паузу. Провёл пальцем по краю бокала. Стекло зазвенело — тонко, высоко, почти жалобно.

— Нас выбросило на пустошь, — сказал Варидан. — Сотни воинов в броне, с мечами, с полным снаряжением. И заяц.

Он замолчал. Усмехнулся. Алые глаза блеснули.

— Мы стояли посреди пустоши, и единственное, что двигалось — он. Сидел, смотрел на нас. И я могу поклясться: он был в ахуе.

Эларан улыбнулся. Кивнул.

— Никаких переходов. Никаких порталов. Ничего. Мы были как крысы в клетке. Не знали, куда идти, что делать. Просто стояли и смотрели друг на друга. А потом пошли.

Варидан подхватил:

— Да, выглядело как легион. Только без цели. Люди закрывали окна и двери, когда мы проходили. Забивали доски, прятались. Мы нашли какую-то заброшенную деревню. Часть домов была сожжена. Часть — пустые. Мы начали обустраиваться.

Он сделал паузу.

— Магии не было, — сказал он. — Никакой. Эларан зашивал раны иглами — наживую, без обезболивания, без магии. Мы обжились скотом. Восстановили дома. Строили новые. Жили так месяц.

— А потом магия вернулась, — добавил Эларан.

Его голос стал тише. В нём появилось что-то новое. Не усталость. Скорее — воспоминание, которое он носил в себе пятьсот лет.

— Это было как салют, — сказал он. — Вся деревня наполнилась магическим светом. Разного цвета. Мой — белый. Варидана — алый. Кто-то — зелёный. Кто-то — синий. Благо вокруг никого не было.

Варидан кивнул.

— Мы поняли, что магия вернулась, но ослабла. Не та, что в Аурэль-Лар. Другая. Приглушённая. Как будто её заковали в цепи.

Он сжал кулак, разжал.

— Время шло, — продолжил Эларан. — Было много войн. Мы не участвовали. Только смотрели, как люди убивают друг друга и строят новые королевства на костях.

— Мы не знали точно, сколько прошло, — сказал Эларан, усмехнувшись. — Пока Варидан не спросил у одного старика, какой сейчас год.

Варидан фыркнул в бокал.

— А тот ответил. И мы пересчитали. И офигели. Потому что поняли: здесь время течет иначе.

— После этого мы научились считать, — добавил Эларан. — Звёзды, луны, поколения людей... Но тот старик стал нашей точкой отсчёта.

Варидан поднял бокал.

— Даже не знаю, жив ли он ещё. Но если жив — я поставлю ему памятник. За то, что вбил нам в головы, что мы здесь не на триста, а на пятьсот лет.

Локейрин усмехнулся:

— И что ты ему сказал? В ответ?

Варидан посмотрел на него. Алые глаза блеснули.

— Сказал: «Спасибо, дедушка. Ты нам очень помог».

— А он?

— Улыбнулся беззубым ртом и пошёл дальше пасти корову.

Тишина. Потом Адриан присвистнул.

— И это — наша великая история выживания.

— Именно, — сказал Варидан, поднимая бокал. — Пятьсот лет. Один старик. И корова. Мы выпили.

Эларан поставил бокал на стол.

— Так мы и перемещались по миру, — продолжил он, — пока я не увидел порталы.

Варидан кивнул.

— Это было 250 лет назад, — сказал он. — Здесь, в Ноктэрре. Мы решили остаться. Закрыли порталы домами, чтобы люди ничего не узнали.

— И пробовали вернуться, — добавил Эларан. — Первые раз десять я и Варидан сломали себе пару рёбер. Пришлось сращивать кости на руках. Порталы не пускали.

— На тридцатый раз я сказал: «Всё, хватит. Нам не пройти», — сказал Варидан. — И мы решили ждать. Если мы не можем выйти, то может зайти могут.

Он посмотрел на меня. Прямо. Алые глаза встретились с моими.

— Собственно, так и произошло.

Эларан перевёл дыхание.

— Мы выживали как могли. Прятались, скрывались, меняли локации. Мир людей большой.

Он обвёл рукой комнату. Окно. Море. Небо.

— Мы никогда не вмешивались в правление, — добавил он. — Мы знали: вернёмся. Либо сами, либо вы за нами придёте. И мы ждали.

— Строили, — сказал он. — Учились. Знакомились с людьми.

Его губы дрогнули — в той самой, едва заметной улыбке, которую я помнил по Аурэль-Лар. Не гордой. Не насмешливой. Просто — усталой.

— Время шло, — продолжил он. — Мир людей от коней с повозками и каменных замков сменился на этот.

Он кивнул в сторону окна. На высотки. На огни. На всё то, что мы видели по дороге сюда.

Варидан усмехнулся.

— В этом мире мы прячем крылья, — сказал он. — Но своё влияние — не прячем.

— Иначе начнётся хаос, — добавил Эларан.

— Мы не лезем, — сказал Варидан. — Они сами друг друга тут истребляют. Мы вмешиваемся только тогда, когда кто-то нарушает наши границы. Или когда кто-то видит что-то, чего не должен был видеть.

— За всё это время мы выстроили каналы связи, — сказал Эларан. — Построили бизнес-империи.

— Бизнес-империи? — уточнил Диар.

— Да, — сказал Варидан. — Мы расскажем всё.

Он сделал паузу. Поставил бокал на стол. Посмотрел на меня.

— Но самое главное, — сказал он. — Везде стоят ваши фамилии и ваши подписи.

— Мы лишь регенты, — добавил Эларан. — Счета в банках, рестораны, клубы, недвижимость — всё на вас.

Он перевёл взгляд на Киана, Диара, Миара.

— На каждого, — сказал он.

— Мы не знали, как Королева назовёт сыновей, — сказал Варидан. — Поэтому в некоторых документах — пусто. Но это всё исправимо.

— Вы знали про нас? — спросил Диар.

— Знали, — ответил Миар. — Всегда.

Варидан и Эларан кивнули синхронно.

Тишина стала плотной, как стена. Смотрел на них. На этих двоих — белого и красного, свет и тьму, целителя и воина. На их руки — спокойные, уверенные. На их глаза — усталые, но живые.

Пятьсот лет они строили мир для нас. Для неё. Для её сыновей. Для того дня, когда мы вернёмся.

И этот день настал.

Варидан откинулся на спинку кресла. Его алые глаза смотрели прямо на меня.

— Вы здесь, — сказал он.

Он посмотрел на меня. Прямо. Алые глаза встретились с моими.

Поднял бокал.

— Как вы оказались тут? — спросил он.

Молчал. Секунду. Две. Собирался с мыслями. Пятьсот лет они ждали ответа. Пятьсот лет они не знали, что случилось с нами, с ней, с миром, который мы пытались спасти. Я должен был рассказать. Всё. Без прикрас. От и до.

— Мы победили, — начал.

— Малахор мёртв. Его братья — тоже. Твари рассыпались в пепел, как только он упал. Армии Остерии и Астерлии выстояли. Гвардия Аурэль-Лар — тоже. Драконы...

Замолчал. Вспомнил Ворхейма, чёрного, с лазурными искрами на чешуе. Локтейю, белую, как первый снег. Локверона, изумрудного, вечно ворчливого, который скидывал камни в Разлом, пока другие сражались.

— Драконы живы, — сказал. — Они запечатали Разлом.

Эларан выдохнул. Медленно, глубоко. Не смотрел на него — смотрел в прошлое.

— Ада... — я снова замолчал.

Её имя застряло в горле. Острым, как осколок стекла.

— Ада открыла Купол, — сказал. — Кровью. Астрелем. Своим Истоком.

Сжал бокал. Стекло закрипело.

— Портал вырвал её из реальности. Я не успел. Я... — голос сорвался. Замолчал.

— Она здесь, — сказал Варидан. — Жива.

— Жива, — повторил я.

Поднял голову. Посмотрел на него. На Эларана. На всех, кто ждал.

— И теперь мы здесь. Чтобы вернуться обратно.

Тишина. Бокалы зазвенели — кто-то поставил свой на стол. Кто-то выдохнул. Я не смотрел.

Смотрел на дверь. За которой была она. Которую мы должны были вернуть.

— Миар, — я посмотрел на него.

Он сидел на диване, откинув голову на спинку. Его глаза были закрыты. Не знал, спал он или просто ждал.

— Ты что-то знаешь? — спросил.

Все взгляды устремились на него. Даже Адриан перестал разваливаться в кресле. Даже Мортифер, стоявший у двери, чуть подался вперёд. Даже Марта замерла с бокалом на полпути к губам.

Миар молчал. Секунду. Две. Медленно открыл глаза. Посмотрел на меня и покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я не знаю. Он замолчал. Коснулся повязки на левом глазу. — Здесь слишком шумно. Я не могу слышать её.

Знал, что это правда. Не потому, что он мой сын. Не потому, что чувствовал его магию. А потому, что Миар никогда не лгал. Ему это было не нужно. Он видел слишком много, чтобы тратить время на ложь.

— Я даже не видел порталы, — добавил он. — Здесь очень шумно. У меня болит голова.

Он коснулся повязки. Чёрная лента чуть сдвинулась, и на секунду я увидел белёсую кожу под ней. И тот самый, второй глаз — тусклый, мерцающий, который видел то, что не дано видеть нам.

— Тут есть купель, — сказал Эларан. Его голос был ровным, но я слышал — он обрадовался. Возможности помочь. Сделать хоть что-то. — Я провожу тебя. Она поможет настроиться и убрать шум.

Миар кивнул. Не поблагодарил — просто кивнул. Этого было достаточно.

— Я так понимаю, здесь только мы? — спросила Марта.

Она поставила бокал на стол. Её глаза обвели комнату — полки, книги, бутылки, окно, море, нас. Она искала подтверждение. Или опровержение.

— А остальные остались там? — добавила она.

Миар закрыл глаза. Снова. На секунду — или на минуту. Время в этой комнате текло иначе. Потом он открыл их. И улыбнулся — своей тихой, всезнающей улыбкой.

— Да, — сказал он. — Их нет в этом мире. Я чувствую.

Мы выдохнули.

Все. Я, Киан, Диар, Марта, Локейрин, Тейрн, Адриан, Мортифер. Даже Варидан — я видел, как его плечи чуть опустились. Даже Эларан — его пальцы, сжимавшие бокал, разжались.

Значит, они все там. И всё хорошо.

Не «хорошо» — нет. Но они живы. И это было главным.

— Пошли в купель, — сказал Эларан, поднимаясь с кресла. — Головную боль тебе нельзя терпеть.

Миар открыл глаза. Кивнул. Встал — бесшумно, как всегда. Эларан положил руку ему на плечо — осторожно, почти невесомо — и повёл к двери.

— А вы пока продолжайте дальше разговаривать, — добавил он, не оборачиваясь.

Дверь закрылась. Бесшумно. Смотрел на неё и думал о том, что мой сын, который видел больше, чем мы все вместе взятые, сейчас идёт лечить головную боль в чужом доме, в чужом мире, под чужим небом. И ничего не мог с этим сделать.

— Что дальше? — спросил Тейрн.

Его голос был ровным, спокойным, но я слышал — под этой ровностью что-то дрожало. Он не привык ждать. Никто из нас не привык.

— Дальше будем учиться жить тут, — сказал Варидан. — Новым словам, одежде, еде, запахам.

Он разлил вино по бокалам — чёрное, густое, пахнущее шоколадом и временем. Подвинул один мне. Я взял. Не пил.

— Когда мама придёт в себя? — спросил Киан.

Его голос дрогнул. Он не скрывал этого. Не умел. Или не хотел.

Варидан замолчал. Секунду. Две. Потом покачал головой.

— Я не знаю, — сказал он. — Неделя-две, три месяца, полгода. Сроков нет.

Он сделал паузу. Сжал бокал.

— От такого... — замолчал. Не договорил. Не надо было.

— Не выживают, — закончил Диар.

Голос его был ровным. Спокойным. Слишком спокойным. Но я видел — его пальцы, лежавшие на колене, побелели.

Варидан кивнул. Опустил глаза.

— У неё пропала магия, — сказал. — Как сказал Эларан.

— Видимо, что-то случилось, — ответил Варидан. — В любом случае, не будем гадать. Узнать сможем только у неё. Когда она придёт в себя.

Он поднял голову. Посмотрел на меня. Его алые глаза — без зрачков, без тени сомнения — встретились с моими.

— Значит, ждём, — сказал Мортифер.

Он всё ещё стоял у двери, прямой, как копьё. Его глаза скользнули по комнате — по полкам, по книгам, по окну, за которым темнело море.

— И за это время нам нужно приспособиться, — добавил он.

Никто не ответил.

Мы все знали — он прав.

— Сегодня тогда останемся все тут, — сказал Варидан, отставляя бокал. — Пока Миар восстанавливается. А завтра поедем в дом на скале.

— Где это? — спросил Тейрн. Его голос был ровным, спокойным, но слышал — он спрашивал не из любопытства. Он хотел знать. Оценить. Понять, насколько это место безопасно.

— Там, где вы приходили в себя, — ответил Варидан. — Вы были в комнатах у портала. А всю цитадель не видели.

Он откинулся на спинку кресла. Провёл пальцем по краю бокала. Стекло зазвенело — тонко, высоко, почти жалобно.

— Там хватит места на... — он задумался на секунду, будто прикидывал в уме, — на целый легион.

Он улыбнулся — уголками губ, чуть заметно. И отпил вина.

— Но решать вам, — добавил. — Где хотите, там и будем.

Диар поднял голову. Его глаза — смотрели на Варидана в упор.

— Можно посмотреть дом?

Варидан посмотрел на него. Долго. Внимательно. Потом его губы дрогнули — в той самой, едва заметной улыбке, которую я уже видел сегодня.

— Не спрашивай, принц, — сказал он. — Никогда не спрашивай.

Диар кивнул. Коротко. По-своему. Повернулся к Киану. Тот кивнул в ответ — и они встали.

Вдвоём. Братья. Гром и Сталь. Они вышли из комнаты. Дверь закрылась. Смотрел на неё и думал о том, что они уже не дети. Что они сами принимают решения. Что они — мужчины. И что горжусь ими. Даже сейчас. Даже здесь. В этом чужом мире, под этим чужим небом.

— Любопытные, — сказал Варидан.

— Умные, — ответил.

Он кивнул. Не спорил.

Марта откинулась на кресло и выдохнула. Медленно. Глубоко. Прикрыла глаза — впервые за всё время, что мы были здесь. Она отпила — неспешно, смакуя, будто пробовала его впервые в жизни.

— Вино хорошее, — сказала. Голос её был тихим, почти сонным.

— Я думал, ты забыла слова, — сказал Адриан.

Он лениво крутил в пальцах свой бокал. Его разноцветные глаза блестели в полумраке.

— Тут забудешь своё имя, — парировала Марта, не открывая глаз.

— Но мне нравится, — хищно улыбнулся Адриан.

Он подмигнул Варидану. Тот кивнул — коротко, по-своему, с лёгкой улыбкой на губах. Знал эти взгляды и улыбки. По Мортум-Керу. Эти двое никогда не сидели на месте. Они брали от жизни всё — лучшее вино, девушек, бесконечные развлечения. Они были живыми. Они были — здесь.

Мортифер закатил глаза. Медленно. Выразительно.

— Вы не меняетесь.

— Никогда, — ответил Варидан.

Они чокнулись. Бокалы издали тонкий, хрустальный звон. А я смотрел на них и чувствовал, как в груди отпускает что-то, что держало меня все эти часы. Не страх. Не боль. Напряжение. Которое не уходило, пока мы были в больнице. Которое таяло здесь, в этом доме, среди этих книг и бутылок, в этом запахе моря и тишины.

— Мы справимся, — сказала Марта, не открывая глаз.

— Справимся, — ответил я.

И впервые за этот долгий день — поверил в это.

Варидан достал из кармана ту плоскую штуку — ту самую, что уже показывал нам в холле, у больницы, в машине. Чёрную, блестящую, с экраном, который загорался от прикосновения.

— Это телефон, — сказал он, поворачивая её в руках. — Будет у каждого из вас.

Смотрел на эту вещь и не понимал, как она работает. Без магии. Без камней. Без нитей. Просто — металл, стекло и что-то внутри, чему у меня не было названия.

— Это не просто связь, Кай. Это нервная система этого мира. Через эту штуку можно узнать всё: где человек, что он ел, кого любит, чего боится. Здесь нет тайн, которые нельзя купить за биты информации. Держи её крепче, чем меч. В этом мире предательство приходит не с ножом в спину, а с уведомлением на экране.

Мортифер нахмурился. Его глаза, всегда такие пустые, сейчас смотрели на телефон с подозрением. Он не доверял этому миру.

Тейрн оценивал. Его лицо оставалось непроницаемым, но видел — он запоминал. Каждое движение Варидана, каждое слово, каждый жест. Он готовился. К чему — не знал. Но знал — он будет готов.

— У каждого будет свой? — спросил Локейрин.

— У каждого, — ответил Варидан.

— И у неё?

Варидан посмотрел на меня. Долго. Внимательно. Потом кивнул.

— И у неё, — сказал. — Когда очнётся.

— Я покажу, как пользоваться, — сказал, кивнув на телефон, который всё ещё держал в руке. — Все наши контакты будут забиты, так что проблем найти номер не будет.

Варидан подошёл к шкафу с бутылками. Их было много — разных форм, размеров, цветов. Прозрачные, тёмные, зелёные, даже одна чёрная, будто ночь. Он провёл рукой по стеклу — медленно, почти ласково.

— Это виски, — он указал на бутылки с янтарной жидкостью. — Ну, вы знаете.

Он перевёл палец на другие — с прозрачной, как вода, жидкостью.

— Это водка. Много пить нельзя, иначе можно забыть себя на следующий день.

— А если много? — спросил Адриан.

— Умрёшь, — ответил Варидан. — Или пожелтеешь. Проверять не советую.

Он двинулся дальше.

— Это коньяк. Это абсент. Это мартини.

Он указывал на бутылки быстро, уверенно, будто читал лекцию. Или показывал дорогу в чужом городе.

— Это игристое вино. Это скотч. Это портвейн.

Сделал паузу. Потом взял с полки деревянную коробку — тёмную, с золотым тиснением.

Открыл. Внутри лежало что-то — ровными рядами, как солдаты в строю.

— А это сигары, — сказал Варидан. — Но дым вдыхать в себя нельзя.

Он посмотрел на нас — на каждого по очереди.

— Иначе лёгкие выйдут через задницу.

Адриан хмыкнул. Марта покачала головой. Мортифер закатил глаза — медленно, выразительно. Тейрн не изменил выражения лица.

Варидан достал из кармана какую-то пачку бумаги. Она была тонкой, хрустящей, с рисунками и цифрами. Не понял, что это, но Марта, кажется, поняла.

— Это деньги, — сказал Варидан, поворачивая пачку в руках. — Тут. Ну, так, на всякий.

Он усмехнулся.

— В трусы стриптизёрше положить или чаевые дать кому.

Марта округлила глаза. Видел это редко — она умела держать лицо. Но сейчас... сейчас она выглядела так, будто её только что окатили ледяной водой.

— Куда положить? — переспросила она. — Что?

— Девушки в клубах танцуют приватный танец, — объяснил Варидан. — Могут раздеваться, могут уже голыми танцевать. Это если в дешёвом клубе.

Сделал паузу. Подмигнул Адриану. Тот усмехнулся — лениво, довольно.

— В элитных такого нет, — продолжил Варидан. — Но чаевые можно им оставлять.

Марта всё ещё смотрела на него. Ждала.

— Не в трусы, — добавил Варидан, пряча пачку обратно в карман. — Администратору.

Адриан расхохотался. Громко, заливисто. Мортифер закатил глаза — но в этот раз не осуждающе, а почти смиренно. Марта покачала головой, но заметил, как уголки её губ дрогнули.

— Боги, — сказала она. — В какой мир мы попали?

— В лучший, — ответил Адриан.

Варидан кивнул. Улыбнулся.

— То, на чём мы ездили, называется машинами, — сказал Варидан, отставляя бокал. — Тачками, ласточками, крошками, малышками. Как хотите.

Его алые глаза блестели в свете ламп.

— У каждого будет своя, — добавил он. — Водить научу. У нас целый автопарк. Из самых сочных.

Он сделал паузу. Посмотрел на Адриана, который уже предвкушал.

— Но если захотите какую-то другую — можете купить, — сказал Варидан. — Бюджет не ограничен.

В этот момент влетел Киан.

Он хоть и выглядел в этом мире на двадцать пять — двадцать семь, но в глазах всё ещё горела та самая искра. Та, что вспыхивала, когда он видел что-то новое. Что-то, что хотелось изучить. Понять. Забрать себе.

— Отец, — сказал он. Голос его дрожал — не от страха, от восторга. — Там такие машины...

Он замолчал. Не мог подобрать слов. Или их было слишком много.

— Как несколько лошадей породы Арея, — сказал Диар, входя в кабинет.

Он двигался плавно, бесшумно. Его лицо было спокойным — слишком спокойным. Но видел — его глаза горели. Тем же огнём, что и у брата.

— Уникальная сборка металла, — продолжал Диар. — Сталь поёт.

Он подошёл к столу. Взял бокал. Не пил — просто сжимал в руке.

— Я считал. Каждую деталь, каждый шов, каждую заклёпку. Металл там... — он замолчал на секунду. — Он живой. Как Астрель. Как Погибель. Как те клинки, что мы ковали в кузнице Стерна.

Он посмотрел на меня.

— Ты не чувствуешь камни?

Диар покачал головой.

— Чувствую и слышу, — ответил он. — Но они будто пустые. Молчат. А металл тут другой.

Он замолчал. Его пальцы сжали бокал.

— И это интересно, — добавил он.

Кивнул.

— BMW M8 Performance, — сказал он. — Длинный капот, как у хищника перед прыжком. Карбоновая крыша — лёгкая, но прочная, как кость дракона. Двойные рёбра жёсткости в кузове — не согнёшь, не сломаешь. Сталь там... она не просто сталь. Она с добавлением чего-то. Молибдена? Ванадия? Не знаю. Но она поёт. Не как Погибель — нет. Иначе. Глухо. Утробно. Как зверь, который затаился.

Он перевёл дыхание.

— 625 лошадиных сил. Двигатель — битурбо, V8. Четыре литра. Моторное масло — синтетика, вязкость 0W-40. Тормозные суппорты — карбон-керамика. Давление в шинах — 2.7 атмосферы на передней оси, 2.5 на задней.

Он называл цифры. Большая часть ускользала — но его глаза горели. Он был счастлив.

— Диски — двадцать один дюйм, — продолжал Диар. — Кованые, из алюминиевого сплава. Резина — Michelin Pilot Sport 4 S. Состав мягкий, для сухого асфальта. Не для дождя, но для скорости — идеально.

Замолчал. Поставил бокал на стол.

— Я хочу себе такую, — сказал он.

Киан посмотрел на брата. Усмехнулся. Потом перевёл взгляд на меня.

— И мне, — сказал он.

Варидан рассмеялся. Громко, открыто, как в старые времена в Мортум-Кере.

— Будут вам машины, — сказал он. — Будут.

— Кто тебе всё это рассказал? — спросил Мортифер у Диара.

Его глаза — сейчас смотрели на Диара с чем-то, чему я не мог найти названия. Интересом? Уважением? Он не привык, чтобы кто-то знал больше него.

Диар повернулся к нему. Лицо спокойное — слишком спокойное. Но я видел: он знал, что его спрашивают не из праздного любопытства.

— Там был механик, — ответил он. — Он осматривал машины. Мы поговорили с ним. И я запомнил.

Сделал паузу. Пальцы, лежавшие на столе, чуть сжались.

— Но я бы хотел ещё почитать про машины, — добавил он.

Варидан кивнул. Быстро. Решительно.

— Скажу, чтобы тебе привезли технические паспорта каждой.

Диар кивнул. Коротко. По-своему.

Потом он взял стакан с виски. Поднёс к носу. Принюхался — медленно, внимательно, будто различал каждую ноту, каждый оттенок. Покачал в руке — тёмная жидкость плеснулась, оставляя на стенках маслянистые следы. Будто делал это сотни раз. Будто знал, как.

И выпил. Не залпом — маленькими глотками, смакуя, как учитель, который пробует вино на уроке. Поставил стакан на стол — ровно, на то же место, не на миллиметр в сторону.

— Выдержанное, — сказал он. — Лет пятьдесят.

Сделал паузу. Обвёл взглядом стол — сыр, шоколад, орехи.

— Хорошо будет под твёрдый сыр или горький шоколад, — добавил.

Потом посмотрел на Киана. Тот уже поднялся с дивана, готовый рваться дальше, смотреть, узнавать, впитывать.

— Идём, Киан, — сказал Диар. — Мы ещё не всё посмотрели.

Они вышли. Дверь закрылась бесшумно.

Смотрел им вслед. Думал о том, что мои сыновья выросли. Что они теперь — не дети. Что они — мужчины. Воины. Стратеги. Видящие.

И что я горжусь ими. Даже здесь. В этом чужом мире, под этим чужим небом. Они — мои сыновья. И они справятся. Мы справимся.

Варидан откинулся на спинку кресла. Посмотрел на меня.

— Хорошие у тебя парни, — сказал он.

— Лучшие.

— Он первый раз пробовал крепкий алкоголь, — сказала Марта.

Она всё ещё сидела в кресле, откинув голову на спинку, с бокалом в руке. Глаза закрыты — но я знал: она видела.

— И даже не поморщился, — добавила она. — Удивительные дети.

Адриан усмехнулся.

— Ты в свой первый раз после виски умертвила дерево, — сказал он.

Марта открыла глаза. Посмотрела на него. Без злобы. Без обиды. С тем самым спокойствием, которое появляется у древних, когда они вспоминают молодость.

— Это было давно, — сказала она. — И тот виски был очень крепким.

Варидан рассмеялся. Коротко. Тихо.

— Ну да, да, — сказал он, качая головой.

Он поднял бокал. Посмотрел на свет — сквозь тёмное стекло, сквозь годы, сквозь всё, что было и что будет.

— Значит, завтра начнём изучать ваши бумаги, — наконец сказал Локейрин.

Его голос был ровным, спокойным, но под этой ровностью слышалось что-то дрожащее. Не страх. Не боль. Принятие. Они ждали пятьсот лет. Могут подождать ещё одну ночь.

Он откинулся на спинку кресла, рядом с Мартой. Их плечи почти касались. Он не смотрел на неё — смотрел на окно, на море, на закат. Но пальцы чуть сжались, когда она выдохнула.

— Нужно понять, с чем мы имеем дело, — добавил он. — А сейчас можно выпить и потом спать.

Не знал, кому он это сказал. Нам. Себе. Ей. Мы все кивнули — не хором, каждый по-своему. Адриан разлил вино. Снова. Мортифер не отказался. Марта взяла бокал, не глядя. Локейрин — следом.

Откинулся на диван. Смотрел на закат и волны. Они были серыми, спокойными, тяжёлыми. Дышали — медленно, глубоко, как зверь, который не спит, но не просыпается.

Становилось спокойнее. Не хорошо — нет. Не плохо. Просто — спокойно. Как тогда, в замке, когда она спала рядом, и я знал, что утро будет. Что она проснётся. Что я увижу её глаза — лазурные, яркие, живые.

Мы не дома. Но, может быть, скоро этот город тоже станет домом.

Закрыв глаза. Волны шумели. Где-то за стеной послышались шаги — Киан и Диар вернулись. Кто-то спросил, как прошло. Не слышал ответа.

Тишина. Бокалы зазвенели.

Думал о ней. О завтрашнем дне. О бумагах, которые мы будем изучать. О том, что когда-нибудь — скоро или не очень — она откроет глаза. И я скажу ей: «Добро пожаловать домой».

Даже если этот дом — чужой. Даже если этот мир — не наш. Она будет здесь. И это будет главным.

Глава 3.

Утро началось с головной боли. Не ощущал её никогда. Она пульсировала в висках, давила на глаза, и каждый звук — даже тихий шорох простыней — отдавался в затылке тупым, нудным ударом. Лежал, смотрел в потолок и пытался вспомнить, как меня зовут.

Комната была чужой. Белый мрамор, золотые прожилки — они вились по стенам, как вены, как корни, как те самые чёрные нити, которые видел в её глазах, когда она смотрела на меня в замке. Повсюду — мох. На подоконниках, на полках, даже на спинке кровати. Мягкий, живой, пахнувший влажной землёй и чем-то древним.

Какие-то цветы — белые, с тонкими лепестками — росли прямо из стен. Их аромат был сладким, приторным, почти невыносимым. Панели из светлого дерева — тёплые, гладкие — чередовались с камнем. Солнце уже встало. Его лучи пробивались сквозь высокие окна, падая на пол золотыми полосами.

Кто-то притащил меня сюда. Не помнил кто и когда. После вина вчера мы начали пробо́вать всего понемногу. Водка, коньяк, абсент, скотч... Дальше — провал.

Дверь открылась. Эларан вошёл бесшумно, как всегда. В белых брюках, белой рубашке, с идеальной выправкой. Волосы — белые, как арктический лёд — распущены, и в утреннем свете они казались светящимися.

— Доброе утро, — сказал он. Ухмыльнулся — уголками губ, чуть заметно. — Вставай и в купель. Вы вчера знатно высушили мои запасы.

— Голова трещит, — голос был чужим. Хриплым. Неузнаваемым.

— Так бывает, — ответил Эларан. — Когда магия спит. И когда всё намешано внутри желудка.

Он подошёл к окну. Распахнул шторы. Свет ударил в глаза — зажмурился.

— Вставай, Кай, — сказал он. — Тебе нужно прийти в себя. Сегодня много дел.

— Каких дел? — спросил.

— Узнаешь, — ответил он и вышел.

Остался один. Сидел, смотрел на мох, на цветы, на золотые прожилки, и пытался вспомнить, как меня зовут. Кай. Меня зовут Кай. И я должен встать.

Мы вышли на деревянную террасу. Огромную — с перилами из тёмного, почти чёрного дерева, с видом на океан, который шумел внизу, лизал скалы, отступал и снова накатывал. Посередине уже стоял длинный стол. Белая скатерть, тяжёлые столовые приборы, вазы с цветами — теми самыми, белыми, с тонкими лепестками.

Там уже все сидели. Киан — на краю, нетерпеливый, готовый сорваться в любую секунду. Диар — рядом, прямой, как струна. Миар — напротив, вчерашнюю повязку сменил на окклюдер — тонкий, на резинке, который закрывал левый глаз. Он ел не спеша, будто время не имело значения.

Марта уже пила вино. Белое, сухое — массировала виски пальцами, свободными от чёрных когтей. Локейрин, закинув ногу на ногу, читал что-то на бумаге. Мортифер и Тейрн тоже изучали что-то — не видел, что, но их лица были сосредоточенными.

Адриан — в чёрной рубашке, расстёгнутой, обнажающей пресс, цепочки на груди блестели в утреннем свете. Варидан — в белой рубашке, более-менее застёгнутой, открывающей стальные мышцы груди. Они были бодрыми и свежими. А я чувствовал себя мешком с картошкой.

Опустился в кресло. Мягкая кожа обняла тело, но не расслабила. Хотелось пить.

— Ну, как ты? — спросил Варидан.

— Голова трещит, — голос был чужим, хриплым.

— А я говорил, — сказал он. — Текила и водка — это гремучая смесь.

Он откинулся на спинку стула. Алые глаза — без зрачков, без тени сомнения — смотрели с лёгкой, почти отеческой усмешкой.

— Ты хоть что-то помнишь?

— Нет, — сказал я. — Что было?

— Мы пробовали по чуть-чуть каждый напиток, — ответил Варидан. — Но тебе понравилась водка. И ты слишком много её налил. В текиллу.

Он сделал паузу. Усмехнулся.

— Но ничего. После купели будет легче.

Потёр переносицу. В висках пульсировало.

— Что-то вчера ещё было? — спросил я.

Марта фыркнула. Не подняла головы, не перестала массировать виски, но её губы — алые, даже без помады — изогнулись в той самой, знакомой усмешке.

— Эти двое, — сказала она, указав на Варидана и Адриана, — прыгали вчера голые со скалы.

Она сделала паузу. Отпила вина.

— А там гуляла женщина с собакой. Она чуть дух не испустила, когда увидела Варидана. Стоящего к ней лицом. Без одежды.

Адриан расхохотался. Громко, заливисто. Варидан качнул головой, но я видел — уголки его губ дрогнули.

— И что она? — спросил Адриан.

— Ничего, — ответила Марта. — Побелела. И убежала.

— Жаль, — сказал Адриан. — Я бы познакомился.

Мортифер закатил глаза. Тейрн не поднял головы. Локейрин усмехнулся — уголками губ, чуть заметно.

— Дети, — сказала Марта.

— Мы не дети, — ответил Адриан.

— Дети, — повторила Марта.

Посмотрела на меня.

— Иди в купель, — сказала она. — Тебе нужно прийти в себя.

Кивнул. Встал. Мир качнулся — ухватился за край стола, чтобы не упасть. Эларан, стоявший у перил, посмотрел на меня.

— Я провожу, — сказал он.

Мы пошли. За нами — смех.

Океан шумел. Шёл и думал о том, что это — только начало. Что скоро мы будем изучать бумаги, ездить по городу, учиться новым словам. Что скоро она откроет глаза.

Я должен быть готов. Даже с головной болью.

— Заходи, — сказал Эларан.

Он стоял у двери, прислонившись плечом к косяку, и смотрел своими лазурными глазами. Спокойно. Терпеливо.

— Посиди там две минуты, — добавил он. — Отпустит.

Кивнул. Стянул рубашку через голову — ткань мягкая, чужая, но не раздражала. Снял брюки. Остался без всего. Не стеснялся. Эларан видел и не такое.

Он шагнул в сторону, пропуская меня. Вошёл.

Купель была высечена из цельного куска камня — белого с золотыми прожилками, которые мерцали в толще воды. Вода — лазурного цвета, мягкого, живого, такого, какой помнил по её глазам.

Было видно дно. Гладкое, тёплое, чуть шершавое. Ноги утопали в нём, но не скользили.

Вода была не горячей — едва тёплой. Она обнимала тело, как мягкая ткань, как чужие руки, которые знают, куда нажать, чтобы отпустило. Встал у бортика, раскинул руки в стороны и закрыл глаза.

Тепло разлилось по телу. Не резко — медленно, как от хорошего вина, как от её улыбки, когда она думала, что я не смотрю. Вода будто дышала. Касалась груди, живота, бёдер, и в этом касании не было ничего, кроме покоя.

Не слышал ничего вокруг. Ни голосов, ни шагов, ни шума прибоя. Тишина была плотной, мягкой, живой. Давила на уши, но не больно — убаюкивающе.

Покой.

Не знал, сколько прошло времени. Минута. Две. Вечность. Стоял в лазурной воде, и чувствовал, как головная боль уходит. Не сразу — крупичка за крупичкой. Сначала перестали пульсировать виски. Потом отпустило затылок. Потом снова мог дышать.

— Выходи, — сказал Эларан.

Голос тихий, но слышал. Открыл глаза. Вода колыхнулась, разгоняя круги.

— Готов? — спросил он.

— Готов.

Вышел. Взял полотенце — белое, мягкое, пахнущее морем. Вытерся. Надел одежду, которая лежала на стуле — чёрные брюки, белую рубашку, всё новое, чужое, но уже не чужое.

Эларан ждал у двери.

— Пойдём, — сказал он. — Завтрак остывает.

— Сегодня по плану, — сказал Варидан, откладывая вилку. Его взгляд стал серьёзным, деловым. — Сначала покажу вам дом, чтобы вы поняли, где ваши стены. А затем — в «Обсидиановые высоты». Там сердце города. Там наше место силы. Там проходят все советы, решаются дела и прибавляются нули на счетах.

Он усмехнулся — уголками губ, чуть заметно.

— И начнём разбирать всё детально.

Доели. Не спеша — никто не торопился. Только Киан нетерпеливо крутил в пальцах вилку, но даже он не спорил. Знал — время терпит.

Марта допила вино и встала, стряхивая с платья несуществующую пыль.

— Я готова, — сказала она. — Чем быстрее мы увидим эти «высотки», тем быстрее вернёмся к делу.

Пошли к машинам. Они уже были готовы. Три большие, чёрные. Блестящие, с острыми углами и прозрачными глазницами, в которых отражалось утреннее небо. Стояли у ворот, как верные псы, как стражи, как молчаливые обещания.

Варидан сел за первую. Алые волосы блеснули на солнце, когда он устроился на водительском сиденье. Адриан — рядом, с пассажирской стороны. Марта, Локейрин и Мортифер заняли задний ряд.

Эларан сел за вторую. Миар — рядом. Тейрн и Диар — на заднем сиденье.

Направился к третьей. У неё уже стоял мужчина в чёрном костюме. Открыл заднюю дверь.

— Прошу, — сказал он.

Сел. Киан — рядом. Внутри пахло кожей — чужой, не звериной, но приятной. Не знал, как называются все эти кнопки, рычаги, экраны. Не знал, зачем они. Просто сидел и смотрел в окно.

Мужчина закрыл дверь. Сел на переднее сиденье. Что-то нажал — машина ожила. Загудела — низко, мощно, хищно.

Машины катились по широкой дороге. Город просыпался — люди спешили по своим делам, не глядя по сторонам. Никто не замечал нас. Никто не знал, кто мы.

Смотрел в окно и запоминал. Каждый поворот, каждый дом, каждое лицо. Потому что здесь была она.

Водитель, которого Варидан назвал Дином, не умолкал ни на секунду. Показывал и рассказывал: как что называется, куда идти, где повернуть. Его голос был ровным, спокойным, но слышалось — он гордился этим городом. Или тем, что знал его так хорошо.

Мы постояли в пробках — как он это назвал. Смотрел в окно и не мог отвести взгляд. Сотни машин застыли в неподвижности, их фары горели красным, жёлтым, зелёным. Люди сигналили друг другу — коротко, резко, нетерпеливо. Кто-то высовывался из окна и кричал — не разбирал слов, только злость. Или усталость. Или и то, и другое.

Увидели даже аварию. Две машины столкнулись — носы смяты, стёкла разбиты. Люди стояли рядом, жестикулировали, смотрели на свои телефоны. Дин объяснил, что тот, кто ехал слева, был неправ. Не понял, как он это определил. Но поверил.

Он показал светофоры. Оказывается, эти столбы — чёрные, высокие, с тремя глазами — регулируют поток машин. Красный — стой. Жёлтый — приготовься. Зелёный — езжай. Смотрел на них и думал о том, как этот мир придумал способ управлять хаосом. Не магией. Не силой. Просто — цветом.

Рассказывал про кафе и рестораны. В одних подают еду из разных стран, в других — только местную. В каких-то районах есть столовые для малоимущих — там кормят бесплатно или почти бесплатно. Не знал, что значит «малоимущие». Дин объяснил — те, у кого нет денег. Кивнул. Вспомнил Орвуд. Вспомнил её.

Уличные прилавки с едой стояли прямо на тротуарах. Люди покупали пирожки, булочки, что-то ещё, чему не знал названия. Пахло жареным мясом, специями, свежим хлебом.

Дин рассказал про магазины. Тут торгуют всем — одеждой, обувью, ювелирными изделиями.

— А что это за линии на дороге? — спросил Киан, указывая на белую разметку.

— Разметка, — ответил Дин. — Показывает, где можно ехать, а где нельзя. Сплошная — нельзя пересекать. Прерывистая — можно, если нужно обогнать.

— Обогнать? — переспросил Киан.

— Когда машина впереди едет медленно, а тебе нужно быстрее. Ты перестраиваешься на соседнюю полосу, объезжаешь и возвращаешься обратно.

Киан кивнул. Задумался. Потом снова посмотрел в окно.

— А знаки? На столбах. Что они значат?

Дин терпеливо объяснял. Про треугольники — предупреждение. Про круги — запрет. Про квадраты — указатели. Киан слушал, не перебивая, и я видел, как его глаза становились всё ярче.

— Почему дома такие высокие? — спросил он.

— Места мало, — ответил Дин. — Людей много. Чтобы всем хватило, строят вверх, а не вширь.

Киан задрал голову, пытаясь разглядеть верхушку небоскрёба. Шея затекла — он не опустил. Дин усмехнулся — но не зло, а по-доброму.

— Светофор. — Киан указал на столб с тремя глазами. — Откуда свет? Цвет?

— Электричество, — ответил Дин. — Это такая энергия. Не магия. Её вырабатывают специальные станции. Передают по проводам. Лампочки внутри светофора горят разным цветом — красный, жёлтый, зелёный.

— Почему именно такие цвета?

— Красный — опасность. Жёлтый — внимание. Зелёный — можно.

Киан задумался. Потом кивнул — принял.

— А как тут течёт вода? — спросил он.

— В домах — по трубам. На улице — по канализации под землёй.

— Откуда она берётся?

— Из рек, озёр, водохранилищ. Очищают, обеззараживают, потом уже подают в дома.

— Камни, из чего делают дорогу?

— Асфальт, — ответил Дин. — Смесь битума, песка и щебня.

— Щебня?

— Дроблёного камня.

Киан снова кивнул. Я видел, как его пальцы чуть сжались — он запоминал. Он всегда запоминал.

— Где собирают машины?

— На заводах. Есть целые города, где только этим и занимаются.

— Почему одни машины выглядят как старый рваный ботинок, а другие — как изящный меч?

Дин рассмеялся — коротко, искренне.

— Вкусы, — сказал он. — У кого-то денег мало, покупают что подешевле. У кого-то много — могут позволить себе красивую. Или быструю. Или и то, и другое.

— Какую ты хочешь? — спросил Киан.

Дин помолчал. Усмехнулся.

— У меня есть, — сказал он. — Работаю водителем, но не жалуюсь.

Киан замолчал. Смотрел в окно. На дома, на людей, на машины, на небо. Потом тихо сказал:

— Интересный мир.

— Интересный, — согласился Дин.

Смотрел на этот мир и не узнавал его. Чужой. Слишком быстрый. Слишком яркий. Слишком шумный. Но в нём пахло хлебом. И это напоминало о доме, которого больше не было.

— Скоро приедем, — сказал Дин.

Киан задал ещё один вопрос. Дин ответил. Слушал. Мир был чужим. Но теперь знал о нём чуть больше. И это знание делало его чуть менее страшным.

Ехали дальше. В город, который станет нашим. Или нет. Не знал. Просто смотрел и запоминал. Для неё. Для себя. Для того дня, когда сможем вернуться. Или останемся здесь. Навсегда.

Выехали за город.

Дорога сузилась, асфальт стал темнее, будто въехали в чужую территорию, где даже покрытие знает — здесь не место случайным. Дин объяснял, что это частный сектор. Что дома здесь могут позволить себе не все.

Смотрел в окно. Дома мелькали за стеклом — буйство красок и форм. Белые, бежевые, терракотовые. Одни прятались за живыми изгородями, другие стояли открыто, демонстрируя идеальные газоны и бассейны, которые отсвечивали бирюзой в лучах полуденного солнца. Архитектура кричала. Каждый дом хотел быть уникальным — и от этого они сливались в однородную массу дорогой безликости.

Почти перестал смотреть.

А потом я его увидел.

Он врезался в гору — нет, не врезался, он рос из неё, как чёрный кристалл, который пробил скалу изнутри и застыл на её вершине. Монолит. Исполинских размеров. Он не отражал свет — он поглощал его. Чёрные стены, матовые, без единого блика, будто вырезанные из ночи, из обсидиана, из самого Мортум-Кера.

Никаких шпилей. Никаких украшений. Только ровные, чёткие грани. Только стёкла по всему периметру — огромные, от пола до потолка, чёрные зеркала, в которых отражалось небо, облака, птицы — и ничего человеческого.

Иногда стекло сменялось монолитными плитами. Тяжёлыми. Глухими. Будто дом дышал — то открывая себя миру, то закрываясь, пряча свои тайны.

А наверху — какие-то штуки. Похожие на больших насекомых. Чёрные, с длинными тонкими лапами и тупыми, округлыми телами. Они замерли на плоской крыше, готовые сорваться в любой момент. Не знал, что это. Но чувствовал — они опасны.

И ни одной дороги, ведущей к этому дому, не было.

Ни одной. Только скала. Только отвесная стена, уходящая вниз, к лесу, к городу, к морю, которое дышало где-то за горизонтом.

Дин остановил машину у ворот.

Они были высотой с трёхэтажный дом — кованые, чёрные, с острыми пиками, уходящими в небо. Герб? Нет. Никаких гербов. Просто металл. Просто сила. Просто предупреждение.

Ворота сами открылись. Бесшумно. Плавно. Будто ждали.

Мы въехали внутрь.

Впереди открылось помещение без конца и края. Темнота. Простор. Гулкая тишина, которая давила на уши. Не видел стен — только слабые отблески света на полу, только наши фары, выхватывающие из мрака бетон, колонны, что-то ещё, чему не было названия.

Казалось, мы въехали на дно бездны.

— Это гараж подъёмный, — сказал Дин. Голос звучал глухо, будто стены впитывали звуки. — Мы сейчас заедем и поднимемся вверх к зданию. Тут лифты для машин.

Киан подался вперёд, впиваясь взглядом в темноту. Белые пряди упали на лоб — он не сдул их. Профиль в отражении стекла — глаза горят.

— А что такое на крыше? — спросил он. Голос тихий, но внутри что-то закипало. Вопрос. Интерес. Жажда.

— Это вертолёт, — ответил Дин. — Чтобы летать, а не ехать. Когда срочно куда-то нужно.

Смотрел в окно. Вертолёты. Машины, которые летают. Как драконы. Но без чешуи, без огня, без души. Металлические стрекозы, которые подчиняются человеку. Или человек — им? Не знал. Смотрел на эти чёрные силуэты на крыше и думал о том, что мир, в который мы попали, никогда не перестанет удивлять.

— А что такое лифты? — спросил Киан.

В его голосе не было страха. Не было растерянности. Только любопытство. Чистое, настоящее, жадное. Ему хотелось знать всё. Прямо сейчас. До последней детали.

— Механические коробки, — сказал Дин. — Которые поднимают либо человека, либо какой-то груз на этаж.

Он помолчал. Посмотрел в зеркало заднего вида — на Киана, на меня, на тьму за нашими спинами.

— Скоро увидите сами.

Машина покатила дальше. В глубину. В темноту. В дом, который ждал. В хищника, который притворялся камнем.

Сжал подлокотник. Пальцы побелели. Не знал, что мы увидим внутри. Но знал — этот дом будет нашей крепостью. Или нашей тюрьмой. Время покажет.

За нами следом заехал Варидан и Эларан. Машины встали ровно. Чётко. В одну линию. Как на парад. Как солдаты перед генералом. Бампер к бамперу, стекло к стеклу — ни на сантиметр в сторону.

Дин достал какую-то штуку. Маленькую, чёрную, плоскую — похожую на ту, что Варидан показывал в холле. Нажал на неё.

И гараж загудел. Низко. Глухо. Утробно — как зверь, который просыпается после долгой спячки. Звук шёл отовсюду — из стен, из пола, из темноты над головой. Нарастал, давил на уши, проникал под кожу, заставлял зубы ныть от резонанса.

Замер.

Стены двигались. Своими глазами видел: огромные бетонные плиты — тонны камня, арматуры, веса — поехали. Плавно. Бесшумно. Медленно. Раздвигались в стороны, открывая проход, который ещё секунду назад был глухой стеной. Пол вибрировал под ногами — мелко, часто, будто земля под нами дышала.

Уши закладывало. Давление стало таким, что кровь пульсировала в висках.

А потом — всё стихло.

— Приехали, — сказал Дин. — Выходим.

Выдохнул. Не заметил, что задерживал дыхание.

Ноги затекли от долгого сидения — размял спину, потянулся, чувствуя, как хрустят позвонки. Непривычно. В Мортум-Кере перемещался тенями. Здесь — только колёса, только асфальт, только этот странный, чужой способ быть.

Включился свет. Не знаю, как это работает здесь — магия? электричество? что-то ещё? — но помещение осветилось мягким, тёплым свечением. Оно шло не сверху, а отовсюду — из стен, из пола, из потолка. Не резало глаза, не слепило, а наоборот — успокаивало. Показывало каждую деталь, но не кричало о ней.

Киан открыл рот. Не винил его.

Перед нами были они. Десятки. Сотни? Не считал. Машины. Всех форм, размеров, цветов. Они стояли ровными рядами — чёрные, белые, синие, красные, даже зелёные, как изумрудная чешуя Локверона. Одни — огромные, тяжёлые, бронированные, похожие на крепости на колёсах. Другие — низкие, хищные, припавшие к земле, как звери перед прыжком.

Их фары блестели в теплом свете. Их кузова отражали потолок, стены, нас самих. Запах — резины, масла, металла, чего-то ещё — заполнял лёгкие, и сердце билось чаще.

Диар сглотнул. Его адамово яблоко дёрнулось — резко, порывисто, непроизвольно. Человек, который никогда не терял контроля, сейчас с трудом сдерживал себя. Его пальцы — сильные, уверенные, знающие вес любого металла — чуть дрожали.

Перевёл взгляд в конец помещения. И замер.

Они были там. Вырезанные в скале. В лазурном освещении — мягком, живом, пульсирующем, как дыхание. Два главаря. Два хищника. Два обещания.

Не знал, что это за машины. Никогда не видел таких.

Одна — алая. Кровь. Пламя. Закат над Мортум-Кером. Её корпус переливался красным — не ярким, не кричащим, а глубоким, бархатным, с алыми прожилками, которые пульсировали в такт сердцу. Она стояла низко, припав к земле, будто готовилась к прыжку. Обтекаемая, хищная, без единой прямой линии. Её фары — узкие, злые — смотрели в пустоту, и казалось, они видят больше, чем я.

Вторая — лазурная.

Сердце пропустило удар. Она была такой же — форма, размер, агрессия. Но цвет... цвет был её глаз. Лазурный. Тот самый, который видел, когда она смотрела на меня в замке. Тот самый, который мерцал в её зрачках, когда она говорила «останься». Тот самый, который искал в каждой капле дождя, в каждой волне, в каждой чёрной лилии, которую приносил на его могилу.

Машина стояла в лазурном сиянии — не освещённая им, а излучающая его. Свет шёл изнутри. Из металла. Из души.

Не мог отвести взгляд.

— Это твои, Кай, — сказал Варидан.

Голос ровный, будничный, но под этой ровностью что-то дрожало. Гордость. Ожидание. 500 лет — и вот они, стоят передо мной.

Он подмигнул мне. Тем же жестом, что и в Мортум-Кере.

— Ну, я иногда беру красненькую, — добавил он. — Но если скажешь больше не брать — куплю себе другую.

Не ответил. Смотрел на лазурную. На неё. Которая ждала. Которая была её цветом. Которая станет моей.

— Она... — начал я.

Голос сорвался. Не договорил.

— Она твоя, Кай, — сказал Эларан.

Он стоял рядом — тихий, спокойный, белый, как лёд. Лазурные глаза — такие же, как у машины, такие же, как у неё — смотрели без жалости. Только правда.

— Двигатель — 8-литровый W16, 1500 лошадиных сил. Разгон до сотни — 2.4 секунды. Максимальная скорость — 420 километров в час. Имя ей — Bugatti Chiron Super Sport.

Он сделал паузу. Провёл пальцем по капоту — лазурный свет вспыхнул ярче, будто машина узнала его.

— Мы заказали её пять лет назад, — добавил он. — Специально для тебя. Из Франции.

Киан присвистнул. Тихо, почти неслышно. Не смотрел на него. Не мог оторваться от неё.

— Зачем? — спросил я. Голос был чужим, хриплым.

Варидан усмехнулся. Положил руку мне на плечо — тяжёлую, тёплую, братскую.

— Чтобы ты наконец перестал пользоваться тенью, — сказал он. — В этом мире мы ездим на машинах.

Не ответил.

Подожёл к ней. Лазурной.

Провёл пальцами по капоту — металл был тёплым, живым, пульсирующим. Как сталь Астреля. Как её кожа. Как моё собственное сердце, которое, казалось, сейчас выпрыгнет из груди.

— Она ждала тебя, — сказал Эларан.

Кивнул. Слов не было.

Варидан хлопнул в ладоши — громко, отрывисто.

— Ладно, — сказал он. — Хватит слёз. Пошли внутрь, покажу дом.

Киан — на полшага впереди, разглядывая ряды машин. Диар — рядом, его глаза горели тихим, спокойным огнём. Миар — последним, бесшумно.

А я всё чувствовал её. Лазурную. Которая ждала. Как она. Как я.

Мы вошли в дом. Тоже через лифт — тот самый, механический короб, который поднимает машины, людей, грузы, судьбы. Дверь открылась и мы ступили внутрь.

И замер.

Дом был внутри из обсидиана. Чёрного, гладкого, отполированного до зеркального блеска. Того самого камня, который помнил Мортум-Кер, который впитывал свет, который не кричал о себе — он просто был. И его было достаточно.

Тона — чёрные, алые, тёмно-серые. Никакой золотой пошлости. Никакой безвкусной роскоши. Только глубина. Только тяжесть. Только власть, которая не нуждается в доказательствах.

Стены дышали. Чувствовал это спиной. Они не давили — они обнимали. Холодные, гладкие, живые. И в этом холоде было что-то родное, что-то, что помнил по Мортум-Керу.

Солнце светило. Огромные окна — от пола до потолка — пропускали свет, но он не пёк, не резал глаза. Обсидиан впитывал лишнее, оставляя только мягкое, ровное сияние. Внутри было прохладно. Не холодно — именно прохладно. Как в пещере, где спит дракон. Как в склепе, где лежат чёрные лилии.

— Это гостиная, — сказал Варидан. Голос его звучал глухо — стены впитывали звуки, делали их тише, спокойнее.

Огляделся. Огромные диваны — чёрные, глубокие, с кучами подушек. Алые, тёмно-серые, с узорами, которые не различал, но чувствовал — они правильные. Диваны стояли так, чтобы можно было сесть лицом к окну, к горам, к небу. Или друг к другу — если нужно говорить. Или молчать — если слова закончились. Казалось, можно утонуть в них. Казалось, они ждали. Годами. Веками. Казалось, они узнали нас.

— Проходите, не стесняйтесь, — махнул рукой Варидан.

Кухня и столовая были соединены. Огромное пространство — чёрный мрамор, тёмное дерево, алая подсветка, которая пульсировала где-то под столешницами, как венозная кровь. Холодильники — да, уже знал это слово — были встроены в стены, их не было видно. Только гладкие чёрные панели, которые открывались от прикосновения.

— Здесь можно готовить на любой вкус, — сказал Варидан. — Или заказывать. Рестораны города знают этот адрес.

Киан уже заглядывал в холодильник. Не останавливал.

Дальше — гостевая комната. Варидан толкнул дверь, и понял: здесь будет жить Адриан. С Вариданом. На пару. Огромный бар занимал всю стену. Полки от пола до потолка — бутылки, бокалы, какие-то странные штуки для размешивания, для наливания, для украшения. Подсветка — алая, тёплая, живая — загоралась, когда Варидан провёл пальцем по стене.

Варидан показывал комнаты. Одну за другой. У каждого — своя. Не просто спальня — пространство. Своя ванная, свой гардероб, свой выход на террасу. И — тишина. Двери были тяжёлыми, оббитыми чёрной кожей, и когда они закрывались, мир за ними исчезал.

— Комнаты в разных точках дома, — объяснял Варидан. — Чтобы никто никому не мешал. И чтобы никто никого не слышал.

Адриан уже выбрал себе ту, что рядом с баром. Мортифер — ту, что с видом на горы. Марта — ту, что с выходом в сад. Локейрин — с библиотекой. Тейрн — с видом на море. Киан выбрал ту, где из окна видна трасса. Диар — ту, которая ближе к гаражу. Миар — ту, что в самом конце коридора. Самую тихую.

Мою Варидан показал последней. Заглянул внутрь — и закрыл дверь. Потом. Когда она проснётся.

— Тренажёрный зал, — Варидан толкнул очередную дверь. Металл, кожа, зеркала. Штанги, гантели, какие-то устройства с тросами и блоками. Запах резины и собственной силы. Не вошёл — просто посмотрел.

— Для тех, кто привык держать меч, — сказал Эларан. — Здесь можно держать железо. Кивнул.

Потом был бассейн. Мы вышли на улицу. Солнце ударило в глаза — но не ослепило. Терраса была огромной, выложенной тёмным камнем, с шезлонгами, зонтами, диванами под открытым небом. И бассейн. Вода в нём была лазурной. Не яркой, не кричащей — глубокой, живой, пульсирующей. Той самой, которую видел в её глазах. Той, которую искал в каждой капле дождя. Той, которая снилась все эти триста лет.

— Ты построил это для неё, — сказал я. Не спросил. Утвердил.

Варидан посмотрел на меня. Его алые глаза — без зрачков, без тени сомнения — встретились с моими.

— Для всех вас, — ответил он.

А потом — кабинеты. Несколько. Разных. Кто-то работает с бумагами, кто-то с цифрами, кто-то с картами — не знал. Просто смотрел на столы, на кресла, на окна, за которыми раскинулся город.

И комнаты медитации.

— Для тех, кто устал от шума, — сказал Варидан.

Заглянули внутрь. Полумрак. Свечи — ненастоящие, электрические, но свет от них был тёплым, живым. Подушки на полу. Тишина. Абсолютная тишина. Слышал своё сердце — и ничего больше.

— Здесь можно просто сидеть, — добавил Эларан. — Или стоять. Или лежать. Главное — не думать.

Посмотрел на него.

— Ты часто здесь бываешь?

Он улыбнулся — уголками губ, чуть заметно.

— Каждый день.

Мы вышли. В доме было тихо. Стены глушили шум города — слышал его, когда мы стояли на террасе: далёкий гул машин, сигналы, голоса. А здесь — ничего. Только наши шаги. Только наше дыхание. Только тишина, которая держала нас в своих объятиях.

Посмотрел в окно. На город, который скоро станет нашим. На небо, под которым она спит. На горы, в которых вырезан этот дом — наша крепость, наше убежище, наше обещание.

— Тебе нравится? — спросил Варидан.

Повернулся к нему. Его алые глаза смотрели на меня — без насмешки, без вызова. Просто — спрашивали.

— Да.

И это было правдой.

— Давайте поедим что-нибудь, да поедим в высотки, — сказал Варидан. Голос звучал устало — не от жизни, а от пробок. От этого чужого, медленного способа передвигаться. — Жрать охота уже из-за этих пробок.

— Показывай, — скомандовала Марта.

Она стояла у окна, в чёрном, с прямой спиной. Но голос её всё ещё был голосом Генерала.

Не ждал приглашения. Не спрашивал, куда идти. Пошёл в ту самую комнату. Которая ждала меня. Которая, как знал, станет моей.

Вошёл. Не рассматривал детали. Не всматривался в стены, не изучал пол, не считал трещины на потолке. Времени не было. Или времени было слишком много — не знал. Знал только, что хочу смыть с себя эти дни. Дорогу. Чужой город. Чужой свет. Чужой воздух, который пах не ею.

Первое, что бросилось в глаза — кровать. Огромная. Чёрное дерево, тяжёлое, массивное, с резными ножками, которые, казалось, врастали в пол. И бельё. Алого цвета. Шёлк. Гладкий, холодный, текучий — как кровь, как закат, как платье Марты в тот вечер, когда она впервые назвала меня «мой Король». Отвернулся. Не сейчас.

Прошёл в ванную.

Она была другой. Не чёрной. Не алой. Просто — открытой. Душ — просто лейка сверху. Вмонтированная в потолок, круглая, широкая, как небо над пустыней. Ни стен. Ничего. Только пол с едва заметным уклоном к сливу. Только вода, которая будет падать сверху — ровно, тяжело, как дождь в Мортум-Кере.

Представил, как она будет стекать по лицу, по плечам, по спине. Как будет смывать чужой запах. Как будет возвращать меня мне.

А у другой стены — ванная. Большая. Из чёрного мрамора. Гладкого, блестящего, с прожилками, которые мерцали в тусклом свете. И краны — золотые. Тяжёлые. Древние. Они не кричали о роскоши — они просто были. Как данность. Как право.

Сегодня не было сил на долгие сборы. Снял пиджак — чёрный, идеальный, чужой. Повесил на спинку стула. Расстегнул рубашку — белую, с идеальными манжетами. Шёлк алой постели мерцал в полумраке. Не смотрел на него. Не мог.

Вошел под душ.

Вода была тёплой. Не горячей — тёплой. Она падала сверху ровным, тяжёлым потоком, обнимала лицо, плечи, грудь, смывала пыль чужих дорог, чужого города, чужой жизни, в которой был чужим.

Закрыв глаза. И представил, что это её руки.

Вода текла сверху — ровно, тяжело, как дождь над Мортум-Кером в сезон гроз. Стоял под ней, закрыв глаза, и чувствовал, как она обнимает лицо, плечи, грудь. Смывает запах чужой дороги. Чужого города. Чужой жизни, в которой был чужим. Но не смывала боль. Она сидела в груди. Тяжёлая, глухая, острая.

— Что тебе снится, Ада? — прошептал я.

Голос растворился в шуме воды. Никто не услышал. Даже я — почти нет. Сердце защемило от пустоты. От того, что её нет рядом. Я даже не знал, где она — в этом мире или где-то ещё. Слышит ли она что-то. Или просто крепко спит. В той белой палате, под тем мёртвым светом, среди пищущих механизмов, которые считают её дыхание.

Вода текла. Я стоял. И не знал, сколько прошло времени. Минута. Три. Вечность. Вода стала холодной.

Вышел. Полотенце было мягким, белым, пахнущим морем. Вытерся — не спеша, не торопясь. Движения были механическими, отточенными за сотни лет. Тело знало, что делать. Разум — нет.

Повесил полотенце и подошёл к зеркалу.

На меня смотрел чужой. Нет — тот же. Всё тот же. Ничего не изменилось. Те же глаза. Те же скулы — острые, хищные. Те же губы — сжатые в тонкую линию, за которой пряталось всё, что не мог сказать. Ни одного седого волоса. Ни одной морщины. Будто время надо мной не властно. Будто я всё тот же — тот, кто стоял на стене Мортум-Кера и смотрел на легионы Малахора. Тот, кто ждал её триста лет. А внутри — всё иначе.

Отвернулся от зеркала.

В комнате было тихо. Прошёл к другой двери. В гардероб. Она открылась бесшумно. Помещение озарил мягкий свет — тёплый, живой, идущий вдоль рядов с пиджаками, рубашками, брюками. Свет не резал глаза — он показывал. Каждый шов, каждую пуговицу, каждую складку. Всё идеально. Всё по размеру. Всё ждало меня.

Стеллажи с обувью — десятки пар. Чёрные, коричневые, алые. Кожа, замша, что-то ещё, чему не знал названия. Туфли, ботинки, даже сапоги — высокие, с тяжёлой подошвой, похожие на те, в которых ходил по Мортум-Керу.

На верхних полках, на бархатных подушках, лежали часы. Миниатюрные механизмы, которые измеряли время. Не песочные, не водяные — другие. С тонкими стрелками, с циферблатами, с камнями, которые мерцали в мягком свете. Видел такие у Варидана. У Элара. У других в этом мире. Их носят на разных руках — кому как удобно. Не знал, зачем. Но чувствовал — это важно.

Взял чёрную рубашку. Шёлк, но не блестящий — матовый, тяжёлый, почти невесомый. Брюки — чёрные, идеальной посадки. Туфли — мягкие, с тонкой подошвой. И часы. Серебряные. Холодные. Тяжёлые. Застегнул ремешок на левом запястье — и почувствовал, как они легли на руку, как влитые. Будто всегда были там.

А потом увидел их. Кольца. На отдельной полке, на чёрном бархате, лежали они. С рунами. С древними знаками, которые знал. Для усиления магии. Для защиты. Для власти. Адриан и Варидан носили их всегда — на пальцах, на шее, даже вплетёнными в волосы. Не спрашивал зачем. Знал.

Взял одно. Самое большое. Серебро — тяжёлое, холодное, живое. Руны Мортум-Кера — острые, глубокие, врезанные в металл так, что их можно было читать пальцами. Надел на безымянный палец левой руки. И магия внутри чуть зашевелилась. Тёплая, живая, древняя.

Она спала — но спала чутко. Как зверь, который чувствует, что рядом враг. Как дракон, который ждёт своего часа.

Сжал кулак. Кольцо впилося в кожу — не больно, а напоминающе. Ты — не человек. Ты — не забыл. Ты — всё ещё тот, кто может сжечь этот мир дотла. Скоро. Магия проснётся. Скоро.

Посмотрел на себя в зеркало. Чёрная рубашка. Чёрные брюки. Чёрные туфли. Серебряные часы на запястье. Чёрное кольцо с рунами Мортум-Кера. Ничего не изменилось. Всё тот же. Но теперь — готовый.

Вышел из комнаты. В коридоре было тихо. Стены глушили звуки — не слышал ни голосов, ни шагов, ни города за окном. Только своё дыхание. Только сердце, которое билось ровно, тяжело, спокойно.

Я подходил к столовой, и аромат ударил в лицо ещё в коридоре. Марта готовила. Узнал бы этот запах из тысячи. Пряный, насыщенный, живой — он не просто заполнял помещение, он дышал, он обнимал, он говорил: «Садись, ешь, ты дома». Даже если дом был чужим. Даже если мир был чужим. Еда Марты не знала границ.

Смех и крики доносились уже издалека. Не разобрал слов — только интонации. Марта — резкая, колючая, с нотками стали. Адриан — ленивый, сладкий, текучий, как тот самый виски, который мы пили вчера. И Варидан — низкий, раскатистый, который гремел на весь дом.

Я вошёл.

— Пальцы убери, я сказала! — Марта стояла у плиты в чёрном фартуке, с половником в руке. Её глаза метали молнии — не магические, но от этого не менее опасные.

Адриан уже был рядом. Его рука тянулась к кастрюле — нагло, небрежно, как будто это было его право по рождению.

— Ну я чуть-чуть попробовал же, — протянул он, не убирая руки. — Ты очень вкусно готовишь, милая. Невозможно не попробовать.

Милая. Он назвал Марту «милая». Замер на пороге, ожидая взрыва.

— Я ещё не закончила, — отрезала она. Голос стал тише, но от этого только острее. — Я не хочу, чтобы мы ели еду с твоими феромонами.

Варидан засмеялся — громко, раскатисто, так, что, казалось, стены из обсидиана дрогнули.

— Адриан, ты что, так делал? — спросил он, не переставая смеяться.

— Ой, ну было... — Адриан махнул рукой, наконец отступая от кастрюли. — Пару раз. И то двести лет назад.

— Пару раз? — Мортифер стоял у окна, прямой, как копьё. Его глаза смотрели на Адриана с выражением, которое я знал слишком хорошо. Он не забывает. Ничего. Никогда. — Я тогда тебя чуть не убил. Хорошо, что Кай остановил.

Улыбнулся. Сам не заметил — но уголки губ поползли вверх. Воспоминание вспыхнуло в голове: Адриан, голый (потому что голый, конечно), Марта, которая швыряет в него ножом (потому что ножом, конечно), и я, стоящий между ними с лицом «вы оба меня убьёте раньше, чем любой враг». Двести лет назад. Две жизни назад.

— Всё, отстаньте от него, — сказал, входя в комнату. — Марта, как обычно, права. Адриан, отойди от кастрюли. Мортифер, не начинай.

— А я не начинал, — ответил Мортифер. — Это он начал.

— Я ничего не начинал! — возмутился Адриан. — Я просто хотел есть!

— Ты всегда хочешь есть, — заметил Варидан, вытирая слёзы от смеха.

— И всегда хочу Марту, — парировал Адриан. — Но это не значит, что я получаю хотя бы одно из двух.

Повисла тишина. Марта медленно повернулась к нему. Половник в её руке выглядел как боевое оружие.

— Адриан, — сказала она тихо. — Ещё одно слово — и ты получишь половником по лбу. И это будет не феромонная еда. Это будет просто горячий ужин, который ты пропустишь.

Адриан поднял руки вверх — жест капитуляции, но с той самой ленивой, наглой улыбкой, которая говорила: «Я не сдаюсь, я просто перегруппировываюсь».

— Молчу, молчу, — сказал он. — Твоя готовка стоит того, чтобы терпеть твой характер.

— Мой характер, — Марта вернулась к плите, — это единственное, что спасает тебя от того, чтобы быть убитым уже триста лет назад.

Варидан снова засмеялся. Мортифер отвернулся к окну, но я видел — его плечи чуть дрогнули. Тоже улыбнулся. Сел за стол. Пахло Мартой. Пахло домом. Пахло чем-то таким, что не чувствовал.

— Ладно, — сказал. — Что у нас на обед?

Марта бросила короткий взгляд — без злости, с теплом, которое она прятала за сталью и сарказмом.

Дверь открылась — и вошли Локейрин с Тейрном. За ними, чуть отстав, сыновья.

Все расселись. Киан — рядом со мной. Диар — напротив, рядом с Адрианом. Миар — в углу, у окна, где было тише. Локейрин сел рядом с Мартой. Тейрн занял место у стены — оттуда видна была вся комната, каждый вход, каждое окно. Привычка. Или инстинкт. Или и то, и другое.

Марта накладывала в тарелки. Быстро, чётко, без лишних движений. Пар поднимался над кастрюлями, и запах становился гуще, насыщеннее, почти осязаемым.

— Так, передаём соседу, — сказала она, ставя тарелку перед Адрианом. — Я вам тут не подавальщица.

Адриан взял тарелку, повертел в руках, заглянул внутрь с выражением человека, который готов к любому кулинарному приключению, кроме одного — остаться голодным.

Посмотрел в свою тарелку. Что-то белое. Кусочки мяса — нежного, сочного, в белом соусе, который пах сыром и сливками. Рядом — какие-то овощи. Тонкие, изогнутые, похожие на зелёные язычки. А поверх — что-то, чему не было названия. Маленькие трубочки, чуть изогнутые, покрытые тем же белым соусом. Они лежали ровно, как солдаты в строю.

Поднял взгляд на Марту.

— Что это? — спросил Киан. Он уже навис над тарелкой, втягивая носом запах.

Марта вытерла руки о фартук. Посмотрела на него — без снисхождения, без жалости. Как смотрят на равного, который просто не знает.

— Это курица в сливочно-сырном соусе с белыми грибами, — сказала она. — И пенне.

Киан замер.

— Пе... что? — переспросил он.

Марта усмехнулась. Уголками губ — той самой усмешкой, которая у Адриана бесит, а у неё — родная.

— Пенне, — повторила она. — Вид макарон. Макароны — это изделия из муки.

Киан смотрел на свою тарелку так, будто перед ним положили артефакт древних богов. Изучал. Анализировал. Втягивал запах. Потом осторожно наколол вилкой одну трубочку — она закрутилась на зубьях, но не сломалась.

— Интересно, — сказал он.

— Ешь, интересно, — ответила Марта. — Я готовила три часа.

Адриан уже запихивал в рот вторую вилку. Жевал с закрытыми глазами, издавая звуки, которые, казалось, предназначались для другой комнаты. И для другого занятия.

— Божественно, Марта, — пробормотал он. — Выходи за меня.

— Ещё одно слово, и я выйду за дверь. С твоей тарелкой.

— Не надо, — Адриан придвинул тарелку ближе к себе, защищая её от Марты и от всей остальной вселенной. — Я буду молчать. И есть. И наслаждаться.

Варидан качнул головой, но не удержался — улыбнулся. Даже Мортифер, кажется, смягчился — его глаза скользнули по тарелке с чем-то, похожим на одобрение.

Локейрин попробовал. Замер. Потом медленно положил вилку — и посмотрел на Марту с выражением, которого я не видел на его лице никогда. Ничего не сказал. Просто смотрел.

Марта не ответила. Отвернулась к плите. Но я заметил — её уши чуть покраснели.

Тейрн ел молча. Без комментариев. Без эмоций. Но он ел. Это уже был комплимент.

Диар пробовал медленно. Отделял кусочек курицы, макал в соус, подносил ко рту — и только потом жевал. Его лицо оставалось спокойным, но я видел — его пальцы чуть дрожали.

— Металл поёт? — спросил я тихо.

Он посмотрел на меня. Кивнул.

— Поёт, — ответил он. — Иначе.

Не стал спрашивать, как именно. Просто взял вилку.

Курица была нежной. Таяла на языке, оставляя после себя сливочное послевкусие, сырную ноту и что-то ещё, чему не было названия. Грибы — упругие, но мягкие, с земляным, древесным ароматом, который напоминал лес после дождя. Пенне — идеальные. Держали соус, не размягчались, не разваливались — и в этом было что-то правильное, почти магическое.

Киан уже доедал. Диар — медленно, но верно. Миар отодвинул пустую тарелку — почти пустую, он всегда оставлял немного.

— Марта, — сказал я. — Спасибо.

Она не обернулась.

— Ешь, — ответила она. — Успеешь ещё спасибо сказать, когда узнаешь, какие счета я выставила Варидану за свои обеды.

Варидан хрюкнул — не смеясь, а скорее вздыхая.

— Ты разоришь меня, старуха.

— Я не старуха, — ответила Марта. — Я ведьма. И да. Разорю.

Тейрн, который до этого не произнёс ни слова, поднял голову.

— Уже разорила, — сказал он. — Но это того стоило.

Тишина. Все смотрели на Тейрна. Он не произносил комплиментов. Никогда. Это было не в его природе.

Марта замерла.

— Что ты сказал? — переспросила она.

— Ничего, — Тейрн вернулся к еде.

— Ты сказал, — настаивала Марта.

— Я сказал, — Тейрн поднял голову, и их взгляды встретились, — что это стоило того.

Он не улыбнулся. Он не мог. Но Марта — улыбнулась. И в этой улыбке — редкой, почти запретной — было что-то такое, от чего Адриан перестал жевать.

— О, — сказал он. — О-о-о. Марта, ты что, краснеешь?

— Заткнись, Адриан.

— Да ты краснеешь! Варидан, смотри, Марта краснеет!

Варидан не смотрел. Он ел. Но я видел — его плечи тряслись от смеха.

— Я выйду замуж за Тейрна, — заявил Адриан.

— Ты уже пытался, — напомнил Мортифер. — Он отказал.

— Он никому не отказывал, — возразил Адриан. — Он просто не ответил.

— Это и есть отказ, — сказал Мортифер.

— Или согласие, — парировал Адриан. — Ты не знаешь его логики.

— Никто не знает, — сказал Локейрин.

— Я знаю, — сказал Миар.

Все посмотрели на него. Он сидел с повязкой на глазу, с пустой тарелкой, с тихой улыбкой, которая говорила: «Я знаю больше, чем вы все, но не скажу».

— И? — спросил Адриан.

— И ничего, — ответил Миар. — Ешь, Адриан.

Адриан открыл рот, но ничего не сказал. Закрыл. И вернулся к еде.

Мы доели в тишине. Не той, давящей, которой полны склепы. А той, спокойной, которая бывает только среди своих.

Откинулся на спинку стула. Посмотрел в окно — на море, на горы, на небо, в котором не было видно звёзд, но они были.

— Что дальше? — спросил я.

Варидан отложил вилку. Посмотрел на меня.

— Высотки, — сказал он. — Там сердце этого города.

Кивнул. Мы поедем. Посмотрим. Узнаем. Но сейчас — сейчас просто сидел за столом, в доме из обсидиана, среди тех, кто стал моей семьёй, и чувствовал, как внутри, глубоко, магия шевелится.

Обсидиановые высотки.

Поднял голову к небу — и увидел их.

Они не просто возвышались над городом. Они царили над ним. Группа небоскрёбов, врезанных в самое сердце Ноктэрры, напоминала обломки обсидиана — те самые, что видел в Мортум-Кере, когда шёл по Костяной Пустоши. Или гигантские клыки стального зверя, который прорывался из-под земли и застыл на полпути.

Грани зданий не были прямыми. Они изгибались — плавно, хищно, как лезвие клинка перед ударом. Будто кто-то выточил их из цельного куска ночи, а потом добавил света. Тёмное, почти чёрное стекло отражало огни города, небо, облака, нас — но не дарило тепла. Оно впитывало. Перерабатывало. Превращало чужую жизнь в свою тень.

Смотрел на них и не мог отвести взгляд. Они были живыми. Не магия — почувствовал бы магию. Другое. То, что этот мир называл «архитектурой», «дизайном», «инженерией». Но знал — без магии здесь не обошлось. Или без того, кто когда-то принёс магию в этот мир и вплавил её в стекло, в сталь, в бетон.

Между башнями, на огромной высоте, висели стеклянные мосты. Тонкие, почти невесомые на вид. Они соединяли здания в единый организм — как артерии, как нити, как те самые чёрные нити, что плела судьба между нами. Казалось, если ступить на такой мост, он рассыплется под ногами. Но знал — он выдержит. Выдержит танк. Выдержит дракона. Выдержит всё, что этот мир бросит в него.

А по краям каждой грани — свет. Тонкие, ледяные неоновые линии очерчивали силуэт зданий, подчёркивали каждый изгиб, каждую трещину, каждый шов. Свет был холодным, белым, почти синим — не живым, не магическим, но пульсирующим. Как те самые нити, что когда-то плела Эйра, чтобы видеть то, что скрыто.

Варидан сидел за рулём. Смотрел на него — его алые глаза отражали этот холодный свет, и в них танцевали блики.

— Красиво, — сказал я.

— Дорого, — ответил он.

— Это?

— Всё, — он обвёл рукой горизонт, башни, мосты, свет. — Это город, Кай. Который мы построили. Который ждал.

Кивнул.

Мы въехали в тень высоток. Свет над головой померк — не исчез, а стал другим. Более плотным, более тяжёлым. Будто небо накрыло нас одеялом из стекла и стали.

— Добро пожаловать в сердце Ноктэрры, — сказал Варидан.

Смотрел вверх и чувствовал, как магия внутри шевелится.

Мы вошли в холл.

Пространство захватило дыхание — не теснотой, а размахом. Потолки уходили вверх, теряясь где-то в полумраке, и казалось, что этот холл не имеет конца. Чёрный гляцевый мрамор покрывал всё — пол, колонны, стойку администратора. Он блестел, отражал свет, отражал нас, отражал город за огромными панорамными окнами.

Ступать по нему было скользко. Непривычно. Каждый шаг отдавался тихим, коротким стуком, и этот звук разлетался по холлу, как камешек, брошенный в бездну.

Сбоку — стойка. За ней — они. Девушки и парни. С идеально ровными спинами. Будто в них вшиты мечи. Будто их выточили из того же обсидиана, что и здание. Будто они никогда не спали, не ели, не моргали.

Чёрные костюмы — идеальная посадка, ни одной складки. Белые рубашки — ослепительные, свежие, будто их только что достали из упаковки. Ни одной выбившейся прядки — волосы убраны, зализаны, спрятаны. Ни одного сонного лица — глаза широко открыты, но пусты. Они смотрели в одну точку. Нас. Или сквозь нас.

Они были не людьми. Они были статуями. Холодными, мраморными, совершенными. Такими же, как этот холл. Как этот город. Как этот мир.

Мы вошли — всей толпой. Я впереди. За мной — Варидан, Эларан, Марта, Адриан, Мортифер, Локейрин, Тейрн. Сыновья — замыкающими. Моя гвардия. Моя семья. Моё оружие.

Девушки и парни за стойкой склонили головы. Одновременно. Синхронно. Без единого звука. Будто кто-то невидимый дёрнул за нити, заставляя их согнуться.

— Добро пожаловать, Повелитель Теней, — сказали они хором.

Голоса их слились в один — низкий, ровный, без эмоций. Он не звучал — он вибрировал в воздухе, в мраморе, в моей груди. Он был данностью. Как закон. Как приказ. Как судьба.

Не ответил. Повелитель Теней. Титул, который носил в Мортум-Кере. Который ждал меня здесь. Который теперь стал моим именем.

Прошёл мимо стойки, не замедляя шага. Наши шаги отдавались в холле, как удары сердца. Глухо. Ровно. Неумолимо.

Варидан поравнялся со мной.

— Лифты в конце холла, — сказал он тихо. — Нам на самый верх.

Кивнул. Стекланные двери лифтов блестели в полумраке. За ними — темнота. Или свет. Или то, что мы должны были увидеть.

Шёл вперёд.

— Это девяносто девятый этаж, — сказал Варидан, когда лифт замер.

Чувствовал, как механизм под нами остановился — плавно, почти невесомо. Без рывка. Без толчка. Будто сам воздух стал мягче, принимая нас.

— Дальше — сотый, — продолжил Варидан. — Пентхаус. На случай, если захочется остаться тут.

Не спросил, зачем мне может захотеться остаться. Знал. Там, наверху, город будет лежать у ног. Там, наверху, тишина будет такой плотной, что можно будет забыть, где ты. Там, наверху, можно будет ждать.

Двери лифта открылись.

Помещение встретило мягким светом — не тёплым, не холодным, а ровным, текучим, как вода в купели. Он не слепил, не давил, не прятал детали. Он показывал.

Коридор был длинным. Стены — чёрный обсидиан, полированный до зеркального блеска. В них отражались мы — наша процессия, наши тени, наше молчание. Пол — тёмное дерево, тёплое, почти живое под ногами. Он не скрипел, не прогибался — он просто нёс нас.

По бокам — двери. Разные. Чёрные, белые, серые, даже одна алая. Без табличек. Без имён. Но знал — у каждой свой хозяин. Своя судьба. Своя тишина.

В конце коридора — красная дверь. Она не кричала. Не выделялась. Просто — была. Алая, глубокая, с ручкой из чёрного металла, которая блестела в мягком свете. Она смотрела на нас, как глаз, как напоминание, как обещание.

— Там твой кабинет, — сказал Эларан. Голос его был ровным, спокойным, но под этой ровностью что-то дрожало. Гордость. Или печаль. Или и то, и другое.

Мы пошли по коридору. Варидан показывал двери — коротко, по-деловому, как командир, который ведёт по карте, где каждый квадрат выжжен его кровью.

— Это кабинет Мортифера.

— Это Адриана.

Марта выбрала ту, что с видом на море. Даже здесь, на девяносто девятом этаже, ей нужно море.

Локейрин взял библиотеку. Говорил, бумаги должны пахнуть бумагой, а не экраном.

Тейрн — угловую. Чтобы видеть всё.

Смотрел на двери. На их цвета. На их ручки. На их молчание.

Потом — зал совещаний. Варидан толкнул дверь, и я увидел огромный стол. Вокруг — кресла, чёрные, высокие, с подлокотниками. Стены — стеклянные, от пола до потолка. За ними — город. Весь. Как на ладони. Свет падал сверху — не лампы, не люстры, а сам потолок светился ровным, белым сиянием. Как небо в пасмурный день. Как тот самый свет, под которым она спит.

— Здесь будем решать судьбы мира, — усмехнулся Варидан.

Не улыбнулся.

Потом — зал отдыха. Бар. Во всю стену. От пола до потолка. Бутылки — десятки, сотни, тысячи. Стекло блестело, отражало мягкий свет, переливалось янтарём, рубином, изумрудом. Диваны — чёрные, глубокие, с кучами подушек. Столики — низкие, из тёмного дерева. И тишина. Такая, что можно услышать, как кровь течёт по венам.

— Здесь будем пить, — сказал Варидан.

Адриан уже предвкушал.

Потом — моя дверь. Алая. Варидан остановился. Посмотрел на меня.

— Твой кабинет, Кай, — сказал он.

Толкнул дверь.

Свет шёл отовсюду — из стен, из потолка, из пола. Не резал глаза, не слепил, не прятал — показывал. Каждую деталь. Каждый сантиметр. Каждое обещание.

За столом из тёмного дуба — красное кожаное кресло. Столешница чёрная, гладкая, холодная. Сзади — стена из камня. Тяжёлого, серого, с прожилками, которые мерцали в мягком свете, как вены, как корни, как те самые чёрные нити, что вели нас сюда.

Окно — в пол. Всё стекло. От потолка до пола. Город внизу — игрушечный, маленький, чужой. Небо — серое, вечернее, без единой звезды. Но знал — они там. За тучами. Ждут.

Диван — алый, бархатный, низкий. Кресло — напротив, такое же, как у меня, но меньше. Для неё. Или для того, кто будет говорить правду.

И бар. Забитый до потолка. Бутылки — рядами, как солдаты на параде. Бокалы — на тонких ножках, мерцающие, ждущие. В этом баре было всё — от простого виски до того, чему не знал названия.

Подошёл к креслу. Провёл пальцами по спинке — кожа была мягкой, тёплой, живой. Она помнила чьи-то руки. Варидана? Эларана? Тех, кто ждал?

Сел.

Мир замер. Кресло обняло меня — не как тюрьма, как дом. Откинулся на спинку, положил руки на подлокотники, посмотрел в окно. Город внизу горел огнями. Они были маленькими, далёкими, чужими. Но знал — где-то там, среди этих огней, она спит. Ждёт. Не помнит.

— Нравится? — спросил Варидан.

Он стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку. Его алые глаза — без зрачков, без тени сомнения — смотрели на меня с чем-то, что не мог назвать.

— Да.

И это было правдой.

— Ладно, — сказал я, поднимаясь с кресла. — Мы всё посмотрели. Теперь давайте к ней поедем.

Голос ровный. Спокойный. Таким отдавал приказы в Мортум-Кере. Но внутри — кипело. Ждал этого момента с тех пор, как открыл глаза в чужом холле. С тех пор, как услышал её имя. С тех пор, как понял — она здесь. Рядом. И я могу её увидеть.

— Нельзя, — ответил Эларан.

Коротко. Жёстко. Без тени сомнения.

Повернулся к нему. Он стоял у двери — белый, спокойный, с лазурными глазами, которые видели больше, чем я. Его лицо не выражало ничего. Ни жалости. Ни сочувствия. Ни желания уступить.

— Что значит «нельзя»? — спросил я. Голос стал тише. И от этого — опаснее.

Эларан выдержал мой взгляд. Не отступил. Ни на шаг. Ни на секунду.

— Реанимация, Кай, — сказал он. — Это не палата. Не гостиная. Не место, куда можно войти, когда захочется.

Он сделал паузу. Подбирал слова. Или давал мне время понять.

— Там люди, которые борются за жизнь. Её жизнь, — добавил он. — Им нужно пространство, тишина, стерильность. Каждое лишнее движение, каждый лишний звук, каждый лишний человек — это риск.

Он шагнул ко мне. Ближе. Достаточно, чтобы я чувствовал его дыхание.

— Внутри неё сейчас нет магии, — сказал он. — Нет Истока. Нет защиты, которую дают нам годы. Только тело. Только сердце. Только аппараты, которые дышат за неё.

Он сжал челюсть. Желваки заходили под кожей.

— Если туда зайдёт кто-то, чьё присутствие вызовет у неё напряжение — даже во сне, — давление может подскочить. Пульс — участиться. А потом — кровоизлияние. Остановка сердца. Всё, что мы сделали, — всё пойдёт прахом.

Тишина стала плотной. Смотрел на него. На его глаза, в которых не было лжи. На его руки, которые спасали жизни там, где другие уже ставили крест.

— Сколько? — спросил я. — Сколько ждать?

— Не знаю, — ответил он. — День. Два. Неделю. Месяц.

Он сделал паузу. Положил руку мне на плечо — тёплую, тяжёлую, как благословение.

— Пока врачи не скажут, что её можно переводить в обычную палату.

— А потом?

— А потом — хоть каждый день, — сказал Эларан. — Сиди рядом. Держи за руку. Говори с ней. Пой, если умеешь. Она будет слышать.

Закрыв глаза. Вдохнул. Выдохнул.

— Я хочу её видеть, — сказал. Не попросил. Не потребовал. Сказал.

— Знаю, — ответил Эларан. — И ты увидишь. Но не сейчас.

Открыл глаза. Посмотрел в окно. На город. На огни. На небо, под которым она спала.

— Хорошо, — сказал я. — Я подожду.

Варидан, стоявший до этого молча, шагнул вперёд.

— Тогда поехали в наш клуб, — сказал он.

Он уже стоял у двери, пальцы на ручке, алые глаза блестели в полумраке кабинета. В его голосе не было вопроса. Только приглашение. Или приказ — но для своих.

— Тут недалеко, — добавил он. — Пару кварталов. Место для своих. Только для своих. Вышли из высоток.

Ночной город дышал. Влажный асфальт блестел под фарами машин, отражал неон вывесок, золотые буквы, алые всполохи. Где-то вдалеке сигналили — коротко, резко, нетерпеливо. Где-то смеялись. Где-то жили.

Кварталы мелькали за окном — чёрные стёкла, белые фасады, тени людей, которые спешили по своим делам и не знали, кто проехал мимо. Варидан вёл машину так, будто знал каждый поворот, каждую яму, каждый светофор. Он здесь жил. Пятьсот лет. Он имел право.

Мы остановились.

Здание было чёрным. Не матовым — зеркальным. Оно отражало улицу, огни, нас самих. Ни вывески. Ни названия. Ничего, кроме чёрной двери — тяжёлой, металлической, без ручки. Варидан вышел из машины. Подошёл к двери. Провёл пальцем по стене — там, где никто не искал бы. Дверь открылась.

— Добро пожаловать, — сказал он.

Внутри было темно. Не мрак — полумрак. Мягкий, текучий, живой. Свет шёл отовсюду — из пола, из стен, из потолка — но не резал глаза, не давил, не прятал. Он показывал ровно столько, сколько нужно.

Бар — во всю стену. Бутылки блестели, бокалы мерцали. За стойкой — человек в чёрном. Он не поднял головы, когда мы вошли. Только пальцы чуть дрогнули, переставляя что-то на стекле.

Диваны — низкие, чёрные, с кучами подушек. Столики — из тёмного дерева, с пепельницами, с зажигалками, с оставленными бокалами. Здесь пили. Здесь ждали. Здесь жили.

Музыка — тихая, тягучая, с басами, которые чувствовались не ушами, а грудью. Она не мешала говорить. Она помогала молчать.

— Садитесь, — сказал Варидан, указывая на дальний угол. — Здесь нас не увидят. И не услышат. Место для своих.

Сел на диван. Кожа обняла тело — мягкая, тёплая, почти живая. Рядом — Киан, который уже оглядывал зал, впитывал атмосферу, запоминал каждую деталь. Диар — напротив, прямой, спокойный, с руками, которые лежали на столе идеально ровно. Миар — в углу, прикрыл глаз, слушал тишину.

Адриан уже устроился с бокалом. Марта — рядом с Локейрином. Мортифер — у стены, откуда видна была вся комната. Тейрн — рядом, молчаливый, как тень.

Варидан поднял бокал. Чёрное стекло, янтарная жидкость внутри.

— За тех, кто ждал, — сказал он.

— За тех, кто вернулся, — ответил я.

Откинулся на спинку дивана. Посмотрел на потолок — чёрный, матовый, без единой лампы. Но свет был. Он шёл отовсюду.

— Хорошее место, — сказал я.

— Лучшее, — ответил Варидан. — Для своих.

Кивнул. Здесь можно было пить. Молчать. Ждать. Здесь можно было быть собой.

Музыка играла тихо. Но не для Миара.

Он сидел, откинув голову на спинку, прикрыв глаза. Он слушал. Не ушами — телом. Я видел это по тому, как чуть заметно двигались его плечи в такт басам. Как его дыхание стало глубже, ровнее. Как исчезли тени под глазами — те, что появились вчера, когда город давил на него своим шумом.

— Что за музыка? — спросил он.

Голос его был тихим, почти сонным. Но в этой тишине — в этом клубе, где даже стены дышали басами, — его слышали все.

— О, этого мира, — ответил Варидан. Он сидел в кресле напротив, развалившись, с бокалом в руке. — Тут разный жанр есть. От попсы до рока. Классическая музыка, джаз, кантри. Короче, полно всего. Перечислять не буду.

Он махнул рукой в сторону бара, будто этим жестом можно было охватить всё музыкальное многообразие этого странного мира.

Миар не открыл глаз. Его голова чуть склонилась к плечу — не от усталости, а от удовольствия.

— Именно тут — что за музыка? — уточнил он.

Варидан посмотрел на него. Долго. Внимательно. Потом его губы дрогнули — в той самой, едва заметной улыбке, которую я видел всего несколько раз за пятьсот лет.

— Особый плейлист, — сказал он. — Треки направления электронной, танцевальной. Трап, дип-хаус. Много ремиксов.

Он сделал паузу. Отпил из бокала. Поставил на стол.

— То, от чего голова и тело расслабляются, — добавил он.

Тишина. Музыка заполняла пространство — не громко, не навязчиво, но плотно. Бас уходил в пол, поднимался по ногам, по позвоночнику, застыл где-то в груди, заставляя сердце биться в такт. Мелодия — тягучая, текучая, как та самая лазурная вода в купели — обволакивала, успокаивала, заставляла забыть, где ты и кто ты.

Посмотрел на Миара. Он открыл глаза. Тот, чистый, небесно-лазурный. Второй, под повязкой, не было видно — но знал, он тоже смотрит. Слушает. Чувствует.

— Мне нравится, — сказал Миар.

Тихо. Просто. Как будто не было ничего важнее этих двух слов.

Марта подняла бровь. Адриан замер с бокалом на полпути к губам. Даже Мортифер, который стоял у стены, чуть склонил голову — не удивлённо, а скорее... заинтересованно.

Локейрин усмехнулся — уголками губ, чуть заметно.

— Ты никогда ничего не говоришь, — сказал он. — А тут — «нравится». Значит, действительно хорошо.

Миар не ответил. Он закрыл глаза и снова откинулся на спинку дивана. Его пальцы на подлокотнике чуть постукивали — в такт музыке, в такт басу, в такт его собственному сердцу.

Смотрел на него и думал о том, что он видит больше, чем мы. Слышит больше, чем мы. Чувствует больше, чем мы. И если ему здесь нравится — значит, этот мир не такой уж чужой.

— Включи что-нибудь ещё, — сказал я Варидану.

— А что хочешь? — спросил он.

— Неважно, — ответил я. — Чтобы всем нравилось.

Варидан достал телефон — ту самую чёрную штуку, которая умела всё, — и начал тыкать в экран.

Через несколько секунд музыка сменилась.

Бас стал глубже. Ритм — быстрее. Мелодия — прозрачнее.

Адриан закинул ногу на ногу и довольно улыбнулся. Марта чуть качнула головой — едва заметно, но в такт. Локейрин постукивал пальцами по столу. Тейрн не изменил выражения лица — но его плечи чуть расслабились.

Киан вдруг встал.

— Что ты делаешь? — спросил Диар.

— Не знаю, — ответил Киан. — Но хочу двигаться.

Он сделал шаг — и замер. Прислушался к себе. К музыке. К басу, который вибрировал в полу. Потом его плечи чуть дрогнули. Потом — бёдра. Потом — всё тело. Он начал двигаться. Не танцевать — нет. Двигаться. Как вода. Как ветер. Как тот самый шторм, который жил в его отце. Руки скользили в воздухе, ноги не стояли на месте, голова покачивалась в такт. Закрыв глаза — и исчез в музыке.

Диар смотрел на него. Недоверчиво. Потом — с любопытством. Потом — с лёгкой, почти незаметной завистью.

— Иди сюда, — сказал Киан, не открывая глаз.

— Я не умею, — ответил Диар.

— Никто не умеет, — сказал Киан. — Просто двигайся.

Диар посмотрел на меня. Пожал плечами.

— Попробуй.

Он встал. Сделал шаг к брату. Замер. Потом — его плечи чуть опустились. Потом — руки перестали висеть как плети. Потом — он начал. Нелепо. Неуклюже. Но искренне.

Миар открыл глаза. Посмотрел на братьев. Улыбнулся — своей тихой, всезнающей улыбкой. И закрыл глаза снова.

Музыка играла. Мы были в клубе. Месте для своих. И впервые за долгое время — почувствовал, что мы действительно дома. Не в том доме, где спит она. А в том, где мы можем быть собой.

— Ладно, — сказал Варидан и хлопнул в ладоши.

Громко. Резко. Так, что стены, казалось, дрогнули. Звук разлетелся по залу, отразился от чёрного стекла, от барной стойки, от потолка, который светился ровным белым сиянием.

— Начинаем работу, — добавил он.

И мир вокруг изменился.

Из плотных штор — тяжёлых, бархатных, алых, которые висели по бокам от сцены — вышли они. Девушки и парни. Медленно. Плавно. Будто их выпустила сама ночь. Они двигались бесшумно, но их присутствие заполняло пространство. Кто-то встал за барную стойку — руки привычно легли на бокалы, на бутылки, на край чёрного мрамора. Кто-то вышел с подносами и какими-то большими штуками — как телефон, только больше. Плоские, чёрные, с экранами, которые светились тусклым голубоватым огнём.

Девушки были в чёрном — юбки чуть выше колена, блузки с длинными рукавами, никаких лишних деталей. Просто. Строго. С лоском, который не купить за деньги. Парни — в чёрных брюках, белых рубашках, с идеальными проборами и лицами, которые не выдавали эмоций. Они не смотрели на нас. Но я знал — они чувствовали. Мы были здесь. Мы были хозяевами.

На сцену вышел парень. Молодой. Высокий. В чёрной футболке с длинными рукавами, с татуировками, которые выползали из-под ткани на шею, на пальцы, на запястья. Встал у какой-то большой штуки — чёрной, с разноцветными кнопками, с рычагами, с экранами, которые мерцали в полумраке.

Посмотрел на Эларана.

— Что это? — спросил я.

— Пульт диджея, — ответил он.

Голос ровный, спокойный, как всегда. Но слышалось — в этом голосе было что-то новое. Уважение. К профессии. К искусству. К тому, как этот мир создаёт музыку.

Диджей нажал на кнопку. И музыка стала другой. Громче. Плотнее. Она не просто звучала — она дышала. Обволакивала, как тёплая вода, как мягкий шёлк, как тот самый лазурный свет, который видел в её глазах. Бас уходил в пол, поднимался по ногам, по позвоночнику, застыл где-то в груди, заставляя сердце биться в такт. Мелодия — тягучая, текучая — вела за собой, не спрашивая разрешения.

Откинулся на спинку дивана.

— Сегодня клуб работает для всех, — сказал Варидан, ухмыляясь. — Один раз в неделю открываем его, чтобы на счетах прибавлялось.

— Не для души? — спросил Локейрин.

— Душа — это наше, — ответил Варидан. — А счета — для мира.

Ждали. Пятнадцать минут. Может, двадцать. Время в этом клубе текло иначе — не минутами, а ударами сердца, тактами музыки, глотками виски.

А потом клуб забился.

Люди текли из дверей — по одному, по двое, группами. Чёрные костюмы, яркие платья, кожа, шёлк, стразы. Кто-то был богат, кто-то просто хотел казаться. Не различал. Мне было всё равно.

Они заполняли пространство — танцпол, бар, диваны у стен. Их голоса смешивались с музыкой, их тени плясали на стенах, их запахи — духи, алкоголь, кожа — смешивались в единый, плотный, почти осязаемый коктейль.

Мы сидели отдельно. На возвышении. За столиком, откуда был виден весь зал. Нас не трогали. Не подходили. Не смотрели в нашу сторону. Охрана — неприметная, но вездесущая — создавала невидимую стену.

Наблюдали.

Люди двигались в такт музыке. Их тела изгибались, руки скользили по воздуху, ноги не стояли на месте. Они были свободными. Или думали, что свободными. Девушки приставали к парням — смело, открыто, без стеснения. Парни искали девушек — блуждающие взгляды, лёгкие улыбки, руки, которые тянулись к талии, к плечам, к волосам.

Смотрел на это впервые. Не в смысле «никогда не видел танцев» — видел. В Мортум-Кере, в Аурэль-Лар, на балах, в тавернах. Но там было иначе. Там были правила, ритуалы, ожидания. А здесь — свобода. Дикая, необузданная, почти животная.

Не вникал в нравы этого мира. Просто наблюдал. И пил виски. Медленно. Смакуя. Янтарная жидкость обжигала горло, но не больно — тепло, глубоко, по-настоящему. Пахла дымом, деревом, временем. И чем-то ещё — тем, что не мог назвать.

Рядом — Марта смотрела на танцпол с лёгкой, едва заметной усмешкой. Локейрин — изучал, запоминал, анализировал. Адриан — искал глазами кого-то, кто мог бы составить ему компанию. Мортифер — стоял у стены, как часовой, но я видел — его пальцы постукивали по бедру в такт музыке.

Киан смотрел на танцующих широко открытыми глазами — как ребёнок, который впервые увидел дракона. Диар — напряжённо, оценивающе, но заметил — его голова чуть покачивалась. Миар — закрыл глаза, слушал музыку, и его лицо было спокойным, почти безмятежным.

— Ты как? — спросил я его.

— Хорошо, — ответил он, не открывая глаз.

Кивнул. Музыка играла. Люди танцевали. Клуб жил своей жизнью — чужой, далёкой, но завораживающей.

А я сидел и думал о ней. О том, как она будет танцевать здесь. Как её волосы будут развеиваться в такт музыке. Как её глаза — лазурные, яркие, живые — будут светиться в полумраке. Когда проснётся.

Сделал ещё один глоток. Виски обжёг горло, оставил послевкусие дыма и надежды.

— Хорошее место, — сказал я.

— Знаю, — ответил Варидан.

Мы смотрели на танцпол. Музыка стала громче. Люди — свободнее. Я — пьянее. Но не от виски. От ожидания.

Марта встала. Не резко — плавно, как кошка, которая решила, что пора сменить позицию. Её чёрное платье блестело в полумраке клуба, облегалo каждый изгиб, каждую линию, каждую тайну. Волосы упали на плечо — одна прядь, непослушная, как сама её хозяйка.

Видел — она захмелела. Не сильно. Не до потери сознания. Но та стадия, когда язык становится острее, а движения — свободнее. Когда запреты перестают быть запретами, а желания — желаниями. Либо вино тут и правда было хорошее. Либо наши тела, привыкшие к магии, впитывали алкоголь быстрее — и от этого пьянили быстрее.

— Я хочу танцевать, — сказала она.

Голос ровный, спокойный, но в нём звенело что-то новое. Вызов. Или обещание.

Локейрин поперхнулся. Видел это своими глазами. Архитектор, маг правды и лжи, человек, который не ронял бокал даже тогда, когда Разлом открывался у него под ногами, — поперхнулся. Виски разлился на его белую рубашку, на стол, на диван. Не обратил внимания. Смотрел на Марту.

— Кто со мной? — спросила она.

Обвела нас взглядом — медленно, по-хозяйски. Её глаза скользнули по лицам, задержались на Локейрине, потом — на Адриане, потом — на Варидане. Ни страха. Ни сомнения. Только желание.

— Милая, я с тобой, — сказал Адриан.

Он уже был на ногах — оказался рядом раньше, чем успел моргнуть. Его рука легла на её талию — нагло, уверенно, собственнически. Марта не отстранилась.

— И я, — тут же оказался Варидан.

С другой стороны. Его рука — на плече Марты, пальцы чуть сжаты, алые глаза блестят в полумраке.

Они стояли втроем. Чёрные, алые, опасные. Красивые, как грех. И пьяные — возможно, да. Но достаточно, чтобы забыть, кто они и где. Знал, чем это закончится. Либо эти трое разнесут клуб до основания, либо просто напьются и уснут. Третьего не дано.

Локейрин всё ещё сидел. Его рубашка была мокрой от виски, пальцы сжимали пустой бокал. Смотрел на Марту — и в его изумрудных глазах было что-то такое, от чего Адриан стал чуть ближе к ней.

— Не смотри так, — сказал Адриан.

— Как? — спросил Локейрин.

— Как будто я украл твою игрушку.

— Она не игрушка, — ответил Локейрин.

Тишина повисла между ними. Марта усмехнулась. Взяла Адриана за руку, Варидана — за другую. Потянула их в сторону танцпола.

— Мальчики, — сказала она. — Вы оба красивые. Но сейчас я хочу танцевать. А не слушать, как вы меряетесь членами.

Они ушли. Мы остались за столом. Локейрин смотрел им вслед. Его пальцы разжались — пустой бокал покатился по столу, остановился у края.

— Ты пойдёшь?

Он посмотрел на меня. Долго. Внимательно.

— Нет, — сказал он. — Я буду сидеть здесь. И пить.

— Хорошо.

Подозвал официанта. Заказал ещё виски.

— Для него тоже, — кивнул на Локейрина.

— Что я буду с этим делать? — спросил он, принимая бокал.

— Пить, — ответил я. — И ждать.

Он усмехнулся — уголками губ, чуть заметно.

— Ты философ, Кай.

— Нет, — сказал. — Я просто устал ждать.

Он не ответил.

На танцполе Марта уже была в центре. Её тело двигалось в такт музыке — плавно, опасно, красиво. Адриан и Варидан — по бокам, как два хищника, которые забыли, что они на одной охоте. Люди расступались. Смотрели. Завидовали. Хотели быть на их месте.

Марта уже вернулась. Сидела рядом с Локейрином — близко, но не касаясь. Её пальцы сжимали бокал с красным вином, губы блестели в полумраке клуба. Пила медленно, смакуя, и смотрела на танцпол с ленивой, сытой улыбкой.

— Я натанцевалась, — сказала она. — Пусть мальчики развлекаются.

Локейрин смотрел на неё. На её профиль, на её шею, на её пальцы. Ни тени ревности — только спокойное, тёплое наблюдение. Он поперхнулся не потому, что приревновал. Он поперхнулся, потому что Марта триста лет не хотела танцевать. И вдруг — захотела.

— Ты удивила меня, — сказал он.

— Это редкость? — спросила она.

— Очень, — ответил Локейрин.

Она усмехнулась. А потом они оба посмотрели туда, где воздух стал другим.

Барная стойка превратилась в сцену. Адриан и Варидан.

Они не танцевали — они правили. Их тела двигались в такт музыке — плавно, хищно, с той самой опасной грацией, от которой у женщин подкашиваются колени. Не было ни единого лишнего движения — только чувственность, текучая, как ртуть, и острая, как лезвие.

Адриан — Генерал Порока. Это читалось в каждом жесте. В том, как он проводил языком по губам. В том, как его пальцы скользили по собственному телу — небрежно, лениво, но так, что каждая девушка в зале представляла их на себе. В том, как его глаза находили в толпе одну, вторую, десятую, обещая ровно столько, сколько нужно, чтобы они потеряли голову. Рубашка на нём расстёгнута почти до пояса, ткань скользила с плеча, открывая ключицы, грудь, линии мышц, которые казались выточенными из камня.

Варидан — не менее опасен. Наглый взгляд, длинные волосы, которые падают на плечи, как расплавленный рубин. Каждое его движение — пластика хищника, почуявшего добычу. Он не смотрел в зал — он снимал взглядом. Медленно проводил рукой по затылку, откидывая волосы. Обводил губы кончиком языка. Одна пуговица на рубашке расстёгнута, вторая, третья — и вот уже открыта грудь, покрытая лёгкой испариной, блестящая в неоновом свете.

Они двигались. Вместе. Рядом. Иногда — почти вплотную. Их тела не соприкасались — но напряжение между ними было таким плотным, что, казалось, его можно было резать ножом. Они знали, как выглядят. Знали, какое впечатление производят. И пользовались этим — без стыда, без сомнений, с той самой ленивой, порочной уверенностью существ, которые живут вечно и берут от жизни всё.

Внизу уже собралась толпа. Девушки. Много девушек. Они смотрели вверх — на Адриана и Варидана — и их щёки пылали алым. Не от вина. Не от жары. От желания. Чистого, открытого, почти животного. Их дыхание участилось, губы приоткрылись, пальцы сжимали подолы платьев.

Воздух в клубе стал другим. Тяжёлым. Плотным. Пах потом, дорогим парфюмом, шампанским — и ещё чем-то, от чего у нормальных людей кругом идёт голова. Феромоны. Их было так много, что, казалось, их можно было пить. Это была не магия. Это просто были Адриан и Варидан. Двое древних, красивых, опасных существ, чья сексуальность не нуждается в заклинаниях. Без магии. Без чар. Только их тела. Только их взгляды. Только их присутствие — и весь зал готов был рухнуть к их ногам.

Варидан откинул голову, запрокинул бутылку шампанского — золотая струя полилась ему в рот, на подбородок, на грудь. Жидкость стекала по мышцам пресса, исчезала за поясом брюк. Девушки внизу выдохнули — синхронно, почти неприлично громко.

Адриан засмеялся — тихо, хрипло, с той самой ноткой порока, от которой у женщин подкашиваются ноги. Он наклонился к краю стойки, выбрал одну — блондинку в красном платье — и провёл пальцем по её щеке. Всего на секунду. Она замерла, не дыша.

— Ты, — сказал он. — Будешь моей сегодня?

Она не ответила. Она не могла.

Варидан подхватил бутылку — уже другую, полную — и полил шампанским себя. Прямо на лицо, на волосы, на плечи. Алые пряди прилипли к щекам, к шее. Он облизал губы — медленно, с удовольствием — и усмехнулся.

— Адриан, — сказал он. — Ты пугаешь девушек.

— Я их завожу, — ответил Адриан.

— Одно и то же, — сказал Варидан.

— Нет. Когда пугают — бегут. Когда заводят — остаются.

Он спрыгнул со стойки — прямо в толпу. Его руки подхватили ту самую блондинку, прижали к себе, закружили. Она вцепилась в него, как утопающая, и не отпускала.

Варидан остался наверху. Открыл ещё одну бутылку — и поднял её над головой, глядя прямо в толпу. Шампанское полилось вниз, как дождь. Девушки подставляли лица, руки, губы. Кто-то смеялся, кто-то стонал, кто-то просто стоял с закрытыми глазами, ловя ртом каждую каплю.

— Они убьют кого-нибудь сегодня, — сказал Мортифер.

Он стоял у стены, прямой, как копьё. Ледяные глаза смотрели на эту вакханалию без осуждения — с усталостью человека, который видел это тысячи раз.

— Или друг друга, — добавил он.

— Не убьют, — сказал я. — Им весело.

— Им всегда весело, — ответил Мортифер. — Это меня и пугает.

Марта смотрела на танцпол с лёгкой, понимающей усмешкой.

— У Адриана завтра будут синяки на шее, — сказала она. — У Варида — на спине.

Локейрин повернулся к ней.

— Ты завидуешь?

— Нет, — ответила Марта. — Я предсказываю.

Внизу девушки уже не просто смотрели — они тянулись. Руки к Адриану, к Варидану, к их рубашкам, к их волосам. Кто-то уже снял туфли, кто-то расстегнул верхнюю пуговицу блузки, кто-то просто стоял с красными, мокрыми от шампанского губами и смотрел вверх, как на богов.

А они и были богами. Просто забыли об этом на один вечер.

Откинулся на спинку дивана.

— Ещё виски, — сказал я официанту.

Он принёс. Выпил. И смотрел.

Глава 4.

Утро началось с шума.

Не понял, что это — будто кто-то таскал кирпичи. Глухой, тяжёлый звук металла о металл, скрежет, глухие удары. Он шёл откуда-то из глубины дома, отражался от стен, умножался, не давал спать.

Лежал на животе. Диагонально. Голова — в одном углу кровати, ноги — в другом. Видимо, вчера опять что-то намешал. Рука свисала с края, пальцы почти касались пола.

В комнате пахло мной — парфюмом, вчерашним алкоголем, чем-то ещё, чему не знал названия. Шторы были задёрнуты — плотные, чёрные, они не пропускали свет. Но знал — утро наступило.

Неохотно встал. Голова гудела — не сильно, но достаточно, чтобы напомнить: ты не молод, Кай. Или молод. Но вчера ты пил как молодой.

Прошёл в ванную. Встал под душ — вода холодная, обжигающая, живая. Смывала сон, вчерашний день, вчерашнюю ночь, вчерашних девушек с красными щеками. Стоял под струёй, закрыв глаза, и чувствовал, как сознание возвращается.

Потом — оделся. Чёрные брюки, чёрная рубашка, всё чистое, свежее, пахнущее морем и чем-то ещё. Чужое. Но уже привычное.

Вышел в коридор.

Дом гудел. Не громко — на низкой, утробной частоте. Слышал шаги — быстрые, деловитые. Разговоры — короткие, резкие, как приказы. Кто-то командовал, кто-то отвечал, кто-то просто молчал, но его присутствие чувствовалось.

Пошёл на шум.

Длинный коридор, отражения. Потом — поворот. Потом — ещё один. Дом жил своей жизнью, и я был в нём гостем.

В другом конце дома, в большой комнате без окон, человек пять что-то тащили. Металлические детали — большие, тяжёлые, блестящие. Одни напоминали рёбра, другие — позвонки, третьи — чешую. Тащили с осторожностью, но без благоговения. Просто — работа.

И среди них — Диар.

Он стоял, смотрел на эти детали с горящими глазами. Видел это пламя — оно было внутри, под спокойной маской, под идеальной выправкой. Его пальцы чуть подрагивали — он хотел прикоснуться. Сжать. Разобрать. Понять.

— Что это?

— Запчасти машины, — ответил он, не отрывая взгляда от металла. — Хочу разобрать, собрать, понять, как всё работает.

Он перевёл дыхание. Глубоко, ровно.

— Ещё двигатель скоро доставят в гараж, — добавил он. — Тоже изучу.

Посмотрел на него. На его профиль — острый, хищный, но с той мягкостью, которая появляется только рядом с тем, что любишь. Он любил металл. Понимал его. Слышал его песню.

— А книги по машинам тебе привезли?

— Да, — он кивнул — коротко, по-своему. — Я уже начал читать.

— Хорошо.

Мы стояли рядом — отец и сын. Два мужчины. Два воина. Два человека, которым этот мир был чужим — но которые учились в нём жить.

— Братья спят?

Диар покачал головой.

— Миар в комнате медитации с Элараном, — сказал он. — А Киан читает журнал про мотоциклы.

— Про что? — не понял слова.

— Мотоциклы, — повторил Диар. — Двухколёсное средство передвижения. Как машина, только без крыши. И без дверей. И без защиты.

Он сделал паузу. Усмехнулся — уголками губ, чуть заметно.

— Ему нравится скорость.

— Знаю.

Представил Киана — склонившегося над журналом, с глазами, которые горят. Не читал — впитывал. Каждую цифру, каждую характеристику, каждый намёк на свободу.

— Понял.

Мы замолчали. Рабочие продолжали таскать детали. Металл звенел, ударялся о металл, отдавался в стенах. Диар смотрел на них — и я видел, как его пальцы сжимаются в кулаки. Он хотел быть там. Среди железа. Среди масла. Среди того, что понимал.

— Иди, — сказал. — Я сам найду, где завтракать.

Он посмотрел на меня. Коротко. По-своему.

— Ты уверен?

— Да, иди.

Он ушёл — туда, где таскали детали, где пахло маслом и металлом, где его душа пела.

Остался один.

В коридоре было тихо. Только шаги уходили всё дальше, только где-то вдалеке говорили — негромко, спокойно. Дом просыпался.

Повернул к столовой.

В ней уже пахло Мартой. И завтраком.

Сел за стол. И подумал о том, что это — тоже жизнь. Не битвы. Не пророчества. Не магия. Просто — утро. Шум. Детали. И сыновья, которые находят себя там, где даже не искали.

За длинным столом из чёрного дерева, под мягким светом, который струился откуда-то сверху. Марта уже пила кофе — чёрный, густой, пахнувший горечью и утром. Локейрин сидел рядом, его пальцы чуть касались её чашки — не навязчиво, просто — рядом. Тейрн ел молча, глядя в окно на море. Мортифер читал что-то на телефоне — хмурился, но не комментировал.

Сыновья сидели своей группой — Киан с журналом про мотоциклы, который не выпускал из рук даже за едой, Диар с прямой спиной и идеальными манерами, Миар — с чашкой зелёного чая, от которого отпивал маленькими глотками.

Не хватало двоих. Адриана и Варидана.

— Наверно, отсыпаются, — сказал Киан, не поднимая головы от журнала. — Или не ложились вообще.

— Или и то, и другое, — добавил Диар.

Промолчал. Знал — они придут. Рано или поздно. Грязные, счастливые, безбожно пьяные или наоборот — странно трезвые.

Дверь распахнулась.

Они просто ввалились. Не вошли — ввалились. Как вихрь, как буря, как два урагана, которые случайно залетели в чужой дом и решили, что он им подходит.

Было понятно сразу — ночь была бурной.

Адриан шёл первым. Его рубашка — чёрная, когда-то идеальная — была расстёгнута почти до пояса, ткань болталась, открывая грудь, плечи, ключицы. Его волосы — растрёпанные — торчали в разные стороны. И помада. Везде. На шее — алые следы губ, на ключицах — яркие отпечатки — целые букеты. Его разноцветные глаза блестели, как у довольного кота, который только что опустошил весь птичник.

Варидан шёл следом. Выглядел он... иначе. Не лучше и не хуже — просто иначе. Его рубашка была застёгнута — но криво, на пуговицу вразнобой. Одна полу висела, другая — нет. И помада... Внизу. Кто-то старательно, с любовью или с пьяным азартом, вывел алой помадой несколько символов. Не разобрал, что именно. И не хотел.

Марта поднесла чашку кофе к губам. Не отпила — замерла на полпути. Её глаза скользили по Адриану, по Варидану, по помаде, по всему этому великолепию разврата, которое ввалилось в столовую.

— Вы хотя бы проспались и переоделись для начала, — сказала она. Голос ровный, спокойный, но под этой ровностью что-то шипело. — Тут дети.

Адриан усмехнулся. Опустился на свободный стул — тот, что рядом с Мортифером, — и откинулся на спинку, закинув ногу на ногу. Его пальцы рассеянно провели по помаде на шее — не стирая, а наоборот — подчёркивая.

— Они не дети, Марта, — сказал он. — Они рано или поздно станут мужчинами в том самом смысле.

Он обвёл взглядом сыновей — Киана, Диара, Миара. Без вызова. Без насмешки. Просто — констатируя факт.

— Это не значит, что надо им показывать такой пример, — отрезала Марта.

Она поставила чашку на стол. Кофе плеснулся — несколько капель упали на белую скатерть. Не обратила внимания.

И тут в разговор вступил Диар.

Он прокашлялся. Спокойно. Чинно. Как на уроке, где нужно ответить, но не хочется привлекать лишнего внимания.

— Я думаю, мы уже можем сами решить, — сказал он.

Тишина. Абсолютная.

Даже Адриан перестал тереть помаду на шее. Даже Варидан замер на полпути к стулу. Даже Киан оторвался от журнала. Даже Миар открыл свой чистый глаз.

Все смотрели на Диара.

Он сидел с лицом, на котором не дрогнул ни один мускул. Его пальцы сжимали вилку — ровно, спокойно, без напряжения.

Тишина затягивалась. Марта открыла рот, потом закрыла. Адриан переглянулся с Вариданом. Мортифер убрал телефон. Тейрн медленно повернул голову.

И тогда Диар продолжил.

— Как провели вечер, ночь? — спросил он у Варидана.

Голос ровный, спокойный, будто спрашивал о погоде. Будто не видел помады. Будто это был обычный завтрак в обычной семье.

Варидан замер. Потом перевёл взгляд на меня. В его алых глазах — читался вопрос: «Что мне делать?».

Пожал плечами. Мой сын спросил. Пусть отвечает.

— Хорошо, — сказал Варидан. — Но не при женщинах. Расскажу потом.

Он улыбнулся. Уголками губ — чуть заметно, но достаточно, чтобы стало понятно: ночь была не просто хорошей. Она была такой, что рассказывать её при Марте — значит, подписать себе смертный приговор.

Адриан хмыкнул. Пододвинул к себе тарелку с беконом.

— Не при женщинах, — повторил он. — Это я запомню.

— Ты ничего не запоминаешь, — сказала Марта.

— А вот и запоминаю, — ответил Адриан. — Например, то, что твой кофе стынет.

Марта посмотрела на свою чашку. Взяла. Отпила. Горячий пар поднимался над чёрной гладью, и в этом паре, кажется, таяло её раздражение.

— Ладно, — сказала она. — Ешьте, мальчики. И приведите себя в порядок.

— Мы всегда в порядке, — сказал Варидан, садясь наконец за стол.

— В своём, — ответила Марта.

Киан снова уткнулся в журнал. Миар закрыл глаз. Диар продолжил завтракать — с идеальной выправкой, с прямой спиной, с лёгкой, едва заметной улыбкой на губах.

Откинулся на спинку стула. За окном шумело море. За столом — жизнь. И пусть она была чужой, пусть этот мир не наш — но эти минуты. Эти разговоры. Эта помада на шее Адриана и рисунок у Варидана. Они были настоящими.

Завтрак подходил к концу. Тарелки опустели, кофе — тоже. Марта отставила чашку и смотрела в окно на море, Локейрин — на неё. Мортифер листал что-то на экране, Тейрн просто молчал. Сыновья обсуждали моторы, мотоциклы.

Сидел, сжимал пустой бокал и думал о том, что внутри — пустота. Та самая, где раньше жила магия. Где тени ворочались, подчинялись, ждали команды. А теперь — тишина.

— Эларан, — сказал. — Когда магия вернётся?

Он сидел напротив, спокойный, с глазами, которые видели больше, чем я. Его пальцы лежали на столе — неподвижные, расслабленные. Он ждал этого вопроса. Или знал, что он придёт.

— У нас вернулась где-то через месяц, — сказал он. — Это как акклиматизация.

— Что? — спросил Киан.

Он отложил журнал и смотрел на Эларана в упор. Глаза горели — тем же огнём, что и у меня, когда впервые услышал о магии. Он хотел знать. Прямо сейчас. До последней детали.

Эларан посмотрел на него. Потом — на меня. Потом — на всех нас.

— Представьте, что вы — рыба, — начал он. — Которая всю жизнь жила в океане. В солёной воде, в привычном давлении, в знакомой температуре.

Он сделал паузу. Пальцы чуть шевельнулись — не колдовство, а жест, иллюстрация.

— А потом её выбросило в пресное озеро. Вода другая. Давление другое. Даже воздух — и тот иначе пахнет. Рыба не умирает — она адаптируется. Жабры перестраиваются. Кровь меняет состав. Тело учится жить в новых условиях.

Он обвёл взглядом комнату.

— Магия — это наша вода, — сказал. — Мы дышали ею сотни лет. Она была в каждой клетке, в каждом вдохе, в каждом ударе сердца. А потом нас выбросило сюда. В мир, где магия есть, но она другая. Чужая. Более плотная. Или более разреженная — мы до сих пор не поняли.

Он взял чашку с зелёным чаем. Отпил. Поставил.

— Наши тела привыкли к одной среде, — продолжил. — А оказались в другой. Им нужно время, чтобы перестроиться. Чтобы снова научиться дышать той магией, что здесь.

Тишина. Киан слушал, не перебивая. Его пальцы сжимали край стола — белые, напряжённые.

— И сколько это займёт? — спросил Диар. Голос ровный, спокойный, но в нём звенела сталь. Он хотел цифры. Сроки. Точность.

— У нас — около месяца, — ответил Эларан. — У вас может быть быстрее. Или медленнее. Организмы разные.

Он посмотрел на Киана, Диара, Миара.

— Вы моложе. Ваша магия гибче. Возможно, она вернётся раньше.

— А ты откуда знаешь? — спросил Киан. — Что именно через месяц?

Эларан усмехнулся — уголками губ, чуть заметно.

— Мы с Вариданом не сидели сложа руки, — сказал он. — Мы изучали. Следили. Записывали. А потом сравнивали — у кого когда проснулась магия. У кого — как. У кого — сколько.

— А у тебя? — спросил я.

— На тридцатый, — ответил Эларан. — Ровно.

— И как это было? — спросил Киан. Голос стал тише — почти шёпотом.

Эларан посмотрел на него. Долго. Внимательно.

— Как удар под дых, — сказал он. — Ты не ждёшь. Ты уже смирился, что магия ушла навсегда. Что ты стал человеком. Обычным, слабым, смертным. А потом — раз. И внутри что-то щёлкает. Вспыхивает. Жжёт изнутри, но не больно. И ты снова можешь дышать.

Он перевёл взгляд на меня.

— Ты узнаешь, — сказал он. — Когда это случится. Не пропустишь.

Кивнул. Слов не было.

Мы сидели за столом, смотрели в окно, пили остывший кофе и думали о том, что скоро — через месяц, через два, через три — мы снова станем собой. А пока — будем ждать. Учиться. Жить. Без магии.

Часы летели. Дни шли — медленно, тягуче, как смола, как тот самый виски, который мы пили в клубе. Каждое утро начиналось с вопроса: «Как она?» И каждый ответ Эларана был одинаковым: «Пока рано. Ещё сама не дышит. Ждём».

Он отправлял к ней своих людей — врачей Белого Крыла, тех, кто учился у него, кому он доверял. Они возвращались, качали головами, говорили одно и то же. Слушал, кивал, пил кофе и шёл учиться.

Без дела мы не сидели.

Диар собрал и разобрал двигатель за сутки. Сам. Никто не помогал — он не просил, да и кто бы мог? Механики, которых привёз Дин, только смотрели и открывали рты.

Двигатель лежал на столе в гараже — огромный, чёрный, с рёбрами охлаждения, похожий на сердце убитого зверя. Диар разложил детали на чистой ветоши — поршни, кольца, шатуны, коленвал, головка блока цилиндров. Каждая деталь — на своём месте, в идеальном порядке. Работал молча, не спеша, с той самой сосредоточенностью, с которой когда-то разбирал клинки в кузнице Стерна.

Когда он закончил, двигатель снова дышал.

Механик — пожилой, седой, с руками, которые помнили тысячи моторов, — подошёл к столу, посмотрел на идеально собранный агрегат и открыл рот.

— Двигатели собирают неделями, Диар, — сказал он. — Детали сушат, проверяют, подгоняют. Это не легко.

— Я знаю, — ответил Диар. — Но я не собирал. Я просто сложил обратно то, что уже было собрано. Идеально.

Он сказал это так, будто собрал карточный домик. Механик закрыл рот. Потом открыл снова. Потом покачал головой и ушёл, бормоча что-то про «чёртовых гениев».

Диар посмотрел на меня. Пожал плечами.

— Что?

— Ничего.

Улыбнулся. Он не заметил.

Дин пригнал три машины марки Audi. Седаны. Чёрные, одинаковые, как три капли масла. Стояли на площадке за домом, блестели на солнце, ждали.

— Нельзя учиться ездить на козле, если хочешь управлять лошадью, — сказал Дин.

Он похлопал по капоту одной из машин, с той самой уверенностью, какая бывает у людей, которые знают: их дело — правое.

— На этих будете учиться. Без обид.

Киан разбил машину в первый же час.

Стояли на краю учебной площадки — я, Варидан, Дин, Диар, Миар. Солнце уже поднялось высоко, асфальт плавился, пахло резиной и бензином. Киан сел за руль, выжал газ — и машина рванула с места, как раненый зверь. Через минуту мы слышали хруст.

Столб. Дым из-под капота.

Киан вылезал из смятой двери — живой, целый, только с парой царапин на лбу. Отряхнулся, посмотрел на столб, на дым, на нас.

— Я жив, — сказал он. — Всё хорошо. Пара царапин.

Он почесал затылок — виновато, по-мальчишески, хотя выглядел на двадцать пять.

Смотрел на дым, на столб, на машину, которая превратилась в грудку металла. И молчал. Варадан не молчал.

— Не выжимай до одури газ, — сказал он. — Гонять будешь, когда почувствуешь машину. Её габариты. Как она плывёт. Агрессия тут не нужна.

Киан кивнул.

— Понял, — сказал он.

— Понял он, — вздохнул Дин.

Диар будто родился с рулём в руках.

Он сел в машину, поправил зеркала, пристегнулся — всё как учили. Нажал на газ плавно, машина тронулась без рывка. Он чувствовал её — каждую деталь, каждый шов, каждую передачу. Знал, когда нажимать на тормоз, как входить в повороты, как плавно замедляться, чтобы не врезаться в стекло.

Киан тормозил именно так — и пару раз впечатывался лбом в панель. Диар — никогда.

— У тебя талант, — сказал Дин.

— Нет, — ответил Диар. — Я просто прочитал инструкцию.

Он посмотрел на меня. Кивнул.

У меня было как у Диара.

Всё просто. Всё легко. Понял эту систему сразу — как только Диар дал мне прочитать технический паспорт на машину. Схемы, цифры, характеристики — они не пугали, не давили. Они объясняли. Двигатель оказался проще, чем заклинание призыва. Трансмиссия — понятнее, чем плетение портала. Колёса, тормоза, подвеска — всё имело название, всё имело функцию, всё можно было понять.

Сел за руль. Выехал на площадку. Сделал круг. Второй. Третий.

Киан смотрел на меня с завистью.

— Как у тебя получается? — спросил он.

— Я читал.

— Я тоже читал, — сказал Киан.

— Ты читал журнал про мотоциклы, — сказал Диар.

— И что?

— И это другая инструкция.

Киан задумался. Потом пожал плечами.

— Ладно, — сказал он. — Буду учиться.

Миар просто наблюдал.

Стоял в стороне, под деревом, с повязкой на глазу и чашкой чая. Не садился за руль. Не просил инструкцию. Просто смотрел.

— Ты не хочешь попробовать? — спросил я его.

— Хочу, — ответил он. — Но не сейчас. Сначала пойму, как это работает.

— Ты поймёшь быстрее, если сядешь.

— Нет, — он покачал головой. — Я пойму быстрее, если посмотрю. Потом — сяду.

Не спорил. Он знал лучше.

Вечером сидели на террасе.

Киан с бокалом, Диар с книгой про двигателя внутреннего сгорания, Миар с чаем. Я — с виски и мыслями о ней.

— Завтра поедem в больницу? — спросил Киан.

— Да.

— Эларан сказал, что скоро можно будет переводить в палату.

— Знаю.

— Ты будешь сидеть с ней?

— Каждый день.

Киан кивнул. Диар поднял голову от книги.

— Мы тоже.

— Знаю.

Мы смотрели на море. Волны шумели. Где-то внизу, в гараже, дышал двигатель — собранный руками Диара. Где-то на площадке стояла разбитая Audi — памятник нетерпению Киана. Где-то в доме Миар закрыл глаза и слушал то, что не слышали мы.

А где-то, в белой палате, под мёртвым светом, она ждала. Дышала за неё машина. Но скоро — она сама. Скоро.

— Её переводят в палату сегодня, — сказал Эларан.

Голос его был ровным, спокойным, но я слышал — под этой ровностью что-то дрожало. Облегчение. Или напряжение. Или и то, и другое.

Я поднял голову от чашки с остывшим кофе.

— Через два часа быть в больнице, — добавил он.

— В Белое Крыло её можно перевести?

Эларан покачал головой. Его глаза — те самые, что видели тысячи смертей и десятки воскрешений — смотрели на меня без жалости. Только правда.

— Пока нет, — сказал он. — Она слишком слаба. Давление нестабильно, сердце работает с перебоями. Любая транспортировка — даже в машине скорой помощи — это стресс для организма. Дорога, вибрация, смена положения, смена воздуха. В её состоянии это может спровоцировать спазм сосудов или остановку дыхания.

Он сделал паузу. Сжал челюсть — желваки заходили под кожей.

— Иммуитет почти нулевой. Она уязвима к любой инфекции. В «Белом Крыле» стерильно, но сам переезд — это контакт с новыми поверхностями, новыми людьми, новыми бактериями. Если подхватит что-то прямо сейчас — мы можем её потерять.

Он перевёл дыхание. Глубоко. Ровно.

— Ей нужен покой, Кай. Абсолютный. Минимум движений, минимум внешних факторов. Она должна просто лежать и восстанавливаться. Всё остальное — потом.

Он посмотрел на меня. Без тени сомнения.

— Не переживай, — добавил он. — Мои врачи каждый день будут приезжать. Будут наблюдать, контролировать каждый показатель. Как только её состояние стабилизируется — переведём.

Кивнул..

Покой. Ей нужен покой. А я — сжимающий и разжимающий кулаки — вряд ли смогу его дать. Но попробую.

Город за окном мелькал разноцветными пятнами — неон, стёкла, лица, которые не запоминал. Киан сидел рядом, смотрел на дорогу, и его пальцы барабанили по колену — быстро, нервно, как дробь.

— Не нервничай, — сказал я.

— Я не нервничаю, — ответил он.

— Ты барабанишь.

— Это не нервы. Это ритм.

Не стал спорить.

Мы встали у отделения реанимации.

Те же белые стены. Тот же мёртвый свет. Тот же запах — антисептики, стерильность, надежда, которая притворяется спокойствием.

Киан ходил туда-сюда. Шаг вправо. Шаг влево. Разворот. Снова вправо. Глаза горели — тем же огнём, что и у меня, когда ждал её триста лет.

— Киан, не мельтеши, — сказал Диар.

Он стоял у стены. Его лицо было спокойным — слишком спокойным. Но видел — его пальцы сжимали ручку портфеля с такой силой, что кожа трещала.

— Не могу, — ответил Киан. — Не могу, брат.

Марта поправляла манжеты пиджака. Тридцатый раз за несколько минут. Чёрный пиджак, белая блузка, идеальная посадка — но пальцы её дрожали.

— Ты порвёшь ткань, — сказал Локейрин.

— Посмотрю я на того, кто посмеет сказать мне об этом, — ответила Марта, не поднимая головы.

Локейрин усмехнулся. И продолжил читать газету. Но видел — его глаза не двигались по строчкам. Он смотрел в одну точку. Ждал.

Тейрн и Мортифер стояли как скалы. У стены. С прямой спиной. С лицами, на которых не дрогнул ни один мускул. Тейрн смотрел в окно — на море, которого не было видно. Мортифер — на дверь реанимации. Не говорили. Не двигались. Просто — были. И их присутствие было тяжелее любого оружия.

Адриан прилёг на два стула, положив голову на сумку. Выглядел так, будто спал — но его глаза смотрели в потолок. Не мигая.

— Адриан, — сказал Варидан.

— Да?

— Ты и правда спишь?

— Нет. Думаю.

— О чём?

— О том, сколько помады осталось на моей шее.

— Ещё полно, — сказал Варидан.

— Хорошо.

Он закрыл глаза.

Варидан кому-то что-то писал на телефоне — быстро, зло, пальцы летали по экрану. Его глаза сузились, челюсть сжата. Не спрашивал, кому и зачем. Он скажет сам, если нужно.

Эларан стоял у двери реанимации, смотрел на часы. Как статуя. Неподвижный, с глазами, которые видели то, что не дано видеть нам.

— Сколько? — спросил я.

— Двадцать три минуты, — ответил он, не глядя на циферблат.

Кивнул. И продолжил сжимать и разжимать кулаки.

Киан наконец остановился. Встал у окна, прижался лбом к холодному стеклу. Его дыхание запотевало поверхность, оставляло следы.

— Почему так долго? — спросил он.

— Потому что она ещё не готова, — ответил Диар.

— Она готова. Она всегда готова.

— Не сейчас, Киан.

— А когда?

Диар не ответил.

Смотрел на дверь. Белую. Гладкую. Мёртвую. За ней была она. И через двадцать три минуты — или двадцать две, или двадцать одну — я её увижу.

Ровно двадцать три минуты двери реанимации открылись.

Мы замерли. Все. Даже Киан перестал дышать. Даже Марта — поправлять манжеты. Даже Адриан сел на своих сдвинутых стульях.

Гробовое молчание. Не слышал ни своих шагов, ни чужого дыхания, ни тиканья часов на стене. Только сердце — оно билось где-то в горле, тяжело, неровно, как тогда, в замке, когда она сказала «останься».

Выходили медсестры и врач от Эларана. В белых халатах, с лицами, на которых читалась усталость. Или облегчение. Или и то, и другое.

Они катили каталку.

Она лежала на ней. Под белой простыней. В больничной сорочке — тонкой, чужой, не её. Глаза закрыты. Но я видел — она дышит. Сама. Медленно, едва заметно, но дышит. Грудь поднималась и опускалась — ровно, спокойно, как у спящей.

Веки не дрожали.

На ней была кислородная маска — прозрачная, пластиковая, она закрывала половину лица. Пар внутри — её дыхание — оседал на стенках, превращался в капли.

Её руки. Они лежали поверх простыни — бледные, тонкие, с царапинами. Красные следы, свежие, ещё не зажившие. На лбу — синяк, желто-фиолетовый, с размытыми краями. На шее — ссадина, будто кто-то провёл ногтем. Везде следы. В её руку была вставлена капельница. Тонкая игла, прозрачная трубка, пластиковый пакет с жидкостью, которая капала — раз, два, раз, два — отсчитывала секунды.

Смотрел на неё и не мог отвести взгляд. Она была красивой. Даже такой — бледной, в синяках, с маской на лице. Даже сейчас.

Кто-то сзади выдохнул. Кто-то шагнул вперёд. Не знал, кто. Не смотрел. Смотрел на неё. На Аду. На свою... ту, кого ждал триста лет. И не мог вымолвить ни слова.

Медсёстры покатали каталку дальше — в палату, в коридор, в новую жизнь.

Мы пошли следом. Не толпой. Не строем. Просто — все. За ней.

Вошли в палату. Она была большой — не той, казённой пустотой, которая давит на плечи, а какой-то странной, почти домашней свободой. Два дивана — глубоких, чёрных, с мягкими подушками. Три кресла — таких же, в углах, у окна, у двери. Тумбочки — светлое дерево, на них уже стояли салфетки, стакан с водой, какие-то бумаги.

И кровать. Большая. Белая. С мягким матрасом, который чуть прогнулся бы под тяжестью тела. Металлические перила — подняты, как крылья, готовые принять.

Медсёстры уже были внутри — белые халаты, быстрые руки, тихие голоса. Они включали аппараты — те самые, пищание, мерцающие, считающие её дыхание. Застилали кровать — простыни хрустели, пахли стерильностью и чем-то ещё, чему нет названия.

Одна из медсестёр подняла голову.

— Нужна помощь мужчин.

Вышел первый. Не спросил, кто ещё. Не оглянулся на сыновей, на Марту, на Варидана. Просто шагнул вперёд, как тогда — на поле боя, когда не было времени на раздумья.

— Что нужно делать? — спросил я. Голос был чужим. Хриплым. Неузнаваемым.

— Аккуратно взять и переместить её на кровать, — ответила медсестра. — Без резких движений.

— Я помогу, — сказал Эларан.

Он встал рядом. Его глаза смотрели спокойно, без жалости, без страха. Только правда.

— Ты голову, — сказал он. — Я ноги. Остальные — середину.

Он объяснил, что делать. Куда класть руки. Как поднимать. Как переносить. Слушал, кивал, запоминал — но внутри была только одна мысль: не сделать больно. Не причинить боль. Не сломать.

Мы переложили её.

Держал её голову — осторожно, почти невесомо. Мои пальцы коснулись её волос — чёрных, мягких, живых. Они пахли больницей, лекарствами, чужим шампунем. Но под этим — чем-то своим. Тем, что помнил.

Она была лёгкой. Слишком лёгкой. Как будто её тело осталось там, в прошлом, а здесь — только тень, только обещание.

Мы опустили её на кровать. Матрас прогнулся под тяжестью — и услышал, как она выдохнула. Тихо. Почти неслышно. Но услышал.

— Пока все присядьте, — сказал врач от Эланара. — Мы подключим аппараты.

Они начали. Эланар направлял. Говорил коротко, чётко, как командир на поле боя. Что куда. Какой провод. Какой датчик. Медсёстры слушали, кивали, делали.

Аппараты запищали — ровно, мерно, успокаивающе. Пульс. Давление. Кислород. Цифры бежали по экранам, и не понимал их, но Эланар кивал — значит, всё хорошо.

Сел на диван. Рядом — Киан. Напротив — Диар. Миар — в углу, у окна, прислонившись плечом к стене.

Марта стояла у изголовья — её пальцы сжимали спинку кровати. Локейрин — рядом. Адриан и Варидан — у двери. Тейрн и Мортифер — по бокам, как стражи.

Тишина. Только писк аппаратов. Только её дыхание.

Смотрел на неё. На её лицо — бледное, спокойное, без морщин. На её губы — сухие, потрескавшиеся. На её веки — они не дрожали.

Она спала. Но дышала сама. И это было главным.

Эланар закончил. Подошёл ко мне. Положил руку на плечо — тёплую, тяжёлую, живую.

— Теперь только ждать, — сказал он. — Она очнётся. Не сегодня — завтра. Не завтра — через неделю. Но очнётся.

Кивнул. Слов не было.

Мы сидели в палате. Кто-то пил кофе. Кто-то смотрел в окно. Кто-то просто молчал.

Диар начал говорить.

Он стоял у кровати, прямой, как струна. Его лицо было спокойным — слишком спокойным для тех, кому семнадцать лет опыта и двадцать пять внешности. Но голос — голос дрожал. Чуть-чуть. На грани слышимости.

— Мам, — сказал он. — Мы тут. С тобой.

Слова падали в тишину, как камни в воду. Тяжёлые. Медленные. Каждое — с душой.

— Мы все, — продолжил он. — Кроме дедушки, тётушек и ребят. Нас всех сюда перекинуло вместе с тобой.

Он замолчал. Сглотнул. Видел, как его адамово яблоко дёрнулось.

— Тут есть жители Аурэль-Лара и Мортум-Кера, — добавил он. — Их ещё тогда переместило порталом.

Он замолчал. Перевёл дыхание. И вдруг — его голос стал другим. Живым. Почти радостным.

— Мам, тут машины, — сказал он. — Мотоциклы, светофоры, вертолёты.

Говорил, и его глаза горели — тем самым огнём, который видел, когда он смотрел на двигатель. На металл. На то, что поёт.

Киан шагнул вперёд.

— Мам, я научился водить, — сказал он. — Почти. Один столб я снёс, но это потому, что машина не слушалась. А я её чувствую. Как тебя. Как братьев. Как отца.

Он запнулся. Почесал затылок.

— В общем, я хочу мотоцикл. Тот, который ты бы одобрила.

Миар подошёл последним. Он двигался бесшумно — как всегда. Повязка на глазу мерцала в белом свете. Не касался кровати, не брал её за руку. Просто стоял рядом.

— Мам, — сказал он тихо. — Всё будет хорошо.

И в этой фразе — короткой, простой, без пафоса — было больше силы, чем в любом заклинании. Потому что Миар не говорил «будет хорошо» просто так. Он видел. Он знал. Он чувствовал.

Мы все потянулись. Кто-то садился на край кровати. Кто-то брал её за руку. Кто-то просто стоял рядом и смотрел.

Марта погладила её по волосам — осторожно, как мать, хотя не была ею.

Адриан присел на корточки у кровати и зачем-то поправил простыню.

Варидан стоял у изголовья, сложив руки на груди, и смотрел на неё так, будто она была его дочерью.

Локейрин, Мортифер и Тейрн не говорили. Они стояли у стены — молчаливые, неподвижные, как скалы. Но я видел — их пальцы сжимались в кулаки. Их глаза смотрели на неё. И это было громче любых слов.

Сидел на диване и смотрел на эту картину. Мои сыновья — её сыновья — говорили с ней, хотя она не слышала. Мои друзья — её друзья — стояли рядом, хотя не могли помочь. А она — лежала, бледная, в кислородной маске, с капельницей в руке, и дышала. Сама. Медленно. Тяжело. Но сама.

— Выйдите все, — сказал Эларан.

Голос его был тихим, но услышал. Мы вышли. Все. Я — последним. Перед дверью обернулся.

Она лежала на белой кровати, под белой простыней, с маской на лице. Аппараты пищали, считали, следили. А я смотрел и не мог отвести взгляд.

— Мы здесь, — прошептал. — Мы все. Ты не одна.

Дверь закрылась. Прислонился лбом к холодной стене и закрыл глаза. Она не слышит. Но когда-нибудь — услышит.

Эларан вышел — бесшумно, как всегда, но почувствовал его присутствие раньше, чем увидел. Он закрыл за собой дверь — плотно, без щели. В коридоре пахло антисептиком, стерильностью и чем-то ещё, чему не знал названия.

Все повернулись к нему. Киан — замер на полуслове. Марта — перестала поправлять манжеты. Адриан — сел на стуле, который до этого служил ему лежанкой.

Эларан обвёл нас взглядом — спокойным, безжалостным, как у врача, который знает: правда лечит лучше утешений.

— В день — не больше пятнадцати минут, — сказал он. — Это максимум.

Он сделал паузу. Лазурные глаза остановились на мне.

— И по два-три человека, — добавил он. — Не больше.

— Почему? — спросил Киан. Голос его дрожал — он не скрывал этого.

— Воздух от вас вибрирует, — ответил Эларан. — Вы — магические существа. Даже со спящей силой, даже без активных заклинаний. Ваша энергия — она есть. Она чувствуется. Она давит.

Он перевёл дыхание. Провёл пальцем по переносице — жест усталости, который видел у него впервые.

— Её тело сейчас — это тело человека, — сказал. — Ослабленное, израненное, без защиты. Оно не справляется с вашим присутствием. Даже если вы просто стоите рядом.

Тишина. Даже Киан не нашёл, что сказать.

— Ей нужен покой, — продолжил Эларан. — Ей нужно, чтобы воздух вокруг неё был чистым, спокойным, без колебаний. Пока она не наберётся сил.

Он посмотрел на дверь — за которой она лежала, дышала, ждала.

— Как только состояние будет лучше, — добавил он, — сможете хоть ночевать тут. Но пока — рано.

Замолчал. Никто не спрашивал, сколько это будет «рано». Никто не хотел знать ответ.

— Поняли?

— Поняли, — ответил я за всех.

Эларан кивнул. И ушёл — в палату, к ней, к аппаратам, к тишине.

Мы остались в коридоре.

Киан сел на пол, прислонился спиной к стене, закрыл глаза. Диар стоял, смотрел в одну точку, и его пальцы сжимались и разжимались в такт её дыханию — которое мы не слышали, но чувствовали. Миар закрыл глаза и просто слушал — что-то, чего не слышали мы.

Марта отошла к окну. Локейрин — за ней.

Адриан лёг на стулья — снова.

Варидан смотрел в телефон, но я видел — его пальцы не двигались.

Тейрн и Мортифер стояли как скалы.

Сел на подоконник.

Пятнадцать минут. Два-три человека.

Дверь открылась снова. Эларан вышел — и увидел: он устал. Не телом — телом древний целитель не устаёт. Душой. От нас. От нашего молчания. От того, что мы стоим в коридоре, как надгробья, и дышим воздухом, который ей не нужен.

Он посмотрел на нас. На Киана, который так и сидел на полу. На Марту, застывшую у окна. На Адриана, который уже успел уснуть на двух стульях. На меня — на подоконнике, с пустыми руками и пустой головой.

— Вы чего тут? — спросил он.

Голос ровный, но под этой ровностью что-то кипело.

— Езжайте домой, — сказал он. — Ну или куда-нибудь. Не стойте столбами.

Никто не двинулся.

— Завтра придёте, послезавтра, — добавил. — Всё. Идите.

Тишина.

Киан открыл глаза, но не встал. Марта замерла с рукой на подоконнике. Адриан даже не пошевелился.

Эларан вздохнул. Не глубоко — так, как вздыхают, когда терпение кончается, но его ещё не растоптали.

— А то все аппараты от вас встанут, — сказал он.

И в этой фразе — короткой, почти будничной — услышал правду. Не метафору. Не шутку. Правду. Наше присутствие давило. На стены, на воздух, на технику, которая следила за её дыханием.

— Вставайте, — сказал я.

Киан поднялся. Нехотя, но поднялся. Марта отлепилась от окна. Адриан потянулся, зевнул.

— Едем, — сказал Варидан.

Мы пошли. Не толпой — вереницей. Я — первым. За мной — сыновья. Потом — остальные.

У дверей остановился. Обернулся.

Эларан стоял в проходе, белый, спокойный, с лазурными глазами, которые видели больше, чем я.

— Она дышит, — сказал он. — Сама. Это главное.

Кивнул.

Мы вышли.

Прошло две недели.

Она не приходила в себя. Эларан сказал — кома. Её тело очень сильно пострадало. Внутренности, кости, ткани — всё было на грани. Магия спала, не защищала, не лечила. Только тело. Только время. Только терпение.

Каждый день приезжал в больницу. Иногда с сыновьями. Иногда с Мартой или Вариданом. Иногда один. Мы разговаривали с ней — рассказывали про этот мир, про машины, про светофоры, про клуб, про море, которое видно из окна Элизиума.

Не всегда заходил. Помнил про два-три человека и про пятнадцать минут. Если кто-то из сыновей был внутри — оставался в коридоре. Смотрел на неё через стекло. Сердце каждый раз билось о рёбра — тяжело, гулко, как молот по наковальне. Не знал, о чём она думает. И думает ли вообще. Больно ли ей. Или она ничего не чувствует. Провалилась в ту самую пустоту, из которой не возвращаются.

Но она дышала. Сама.

Иногда поправлял её положение. Врач сказал — нужно так делать, чтобы не было пролежней. Массировал её ноги — осторожно, боясь сделать больно. Пальцы рук — тонкие, бледные, с царапинами, которые уже заживали, но следы оставались. Кисти — гладил их, сжимал, чувствовал тепло, которое не уходило.

Гладил по волосам. Они были мягкими, живыми, пахли больницей и чем-то своим.

Целовал в лоб. Каждый раз. Перед уходом. Губы касались её кожи — прохладной, гладкой, живой. Она не вздрагивала. Не открывала глаза. Не шептала моё имя.

Но знал — она чувствует. Где-то там, глубоко, в той самой коме, куда ушли её силы, её сны — она чувствовала.

— Я здесь, — шептал. — Я рядом. Я не уйду.

Она не отвечала.

Но я ждал.

Мы узнали больше об этом мире. Об этом городе.

Ноктэрра перестала быть просто набором стеклянных коробок и неоновых вывесок — она стала системой. Кровеносные артерии дорог, нервные узлы перекрёстков, биржевые индексы, которые пульсировали, как сердце живого организма. Начал углубляться в бизнес.

Сначала — отчёты. Сухие, длинные, написанные мелким шрифтом, который рябил в глазах. Потом — цифры. Они были другим языком. Не магическим, но требовали не меньшего погружения. Акции на биржах взлетали и падали, рестораны приносили прибыль, отели заполнялись на семьдесят-восемьдесят процентов, казино — на девяносто.

Видел небольшие недочёты. Кривого ничего не было, но где-то западала логистика, где-то перекручивали налоги, где-то менеджеры позволяли себе слишком много. Всё решалось по паре звонков. Руки доходили не до всего. Но мы учились.

Особенно — Мортифер, Локейрин и Тейрн. Они иногда садились в зале советов — том самом, на девяносто девятом этаже, с окнами в пол и обсидиановой стеной за спиной. Раскладывали документы. Пили виски. Смотрели. Обсуждали. Молчали.

Как-то раз, проходя мимо, услышал их голоса. Точнее — не голоса. Воздух в коридоре стал плотнее, тяжелее. Значит, спорили. Или решали что-то важное.

Остановился у двери. Не заходил — слушал.

— Пятый квартал, — сказал Мортифер. Его ледяной голос резал тишину, как скальпель. — Участок тринадцать. Два гектара. Текущая застройка — складские помещения, низкая ликвидность.

— Коэффициент капитализации? — спросил Локейрин.

— Шесть-семь процентов в текущем состоянии, — ответил Мортифер. — После сноса и перезонирования — до пятнадцати.

— Окупаемость?

— Три года.

Пауза. Представил, как они сидят за столом — Мортифер с прямой спиной, Локейрин с полуулыбкой, Тейрн — молча, но его присутствие тяжелее любого документа.

— Фундамент? — спросил Локейрин.

— Свайный, — ответил Мортифер. — Глубина — двадцать метров. Грунт — суглинки, плотные. Второй этаж — технопарк. Арендаторы уже есть, предварительные договоры.

— Риски? — это Тейрн. Коротко, как выстрел.

— Сейсмика, — сказал Мортифер. — Зона девять баллов. Нужен демпферный слой. Плюс — ветровые нагрузки, высотка в разреженной зоне. Габариты здания — двести метров. Отношение высоты к ширине — девять к одному.

— Гибридный каркас? — спросил Локейрин.

— Сталь и бетон. Монолитные ядра жёсткости. Ветровые связи — диагональные фермы, сталь S500, толщина двадцать миллиметров.

— Лифты? — спросил Тейрн.

— Четыре скоростных, три служебных. Грузоподъёмность — две тонны.

— Конференц-залы?

— Два на сотом этаже. Панорамное остекление, виброгасящее покрытие.

— Фасад, — сказал Локейрин.

— Единая система вентилируемого фасада. Алюминиевые композитные панели, чёрные, матовые. Коэффициент отражения — 0.7. Солнечная нагрузка снижена на тридцать процентов относительно стандартных решений.

Тишина. Слышал, как Мортифер перелистнул страницу. Как Локейрин постукивает пальцем по столу. Как Тейрн просто молчит.

— Инженерные сети, — сказал Мортифер. — Водоснабжение — центральное. Резервные ёмкости — подземные, три тысячи кубов. Электроснабжение — две подстанции, основная и резервная. Кабельные линии — взаиморезервируемые, сечение 240 квадратов.

— Слаботочка? — спросил Локейрин.

— Волоконно-оптические линии. Полное покрытие здания, сотовая связь, интернет, система контроля доступа. Круглосуточный мониторинг.

— Паркинг? — Тейрн.

— Подземный, три уровня. Двести пятьдесят машиномест. Электростанции — тридцать штук. Проектная мощность — по пятьдесят киловатт каждая.

— Бюджет?

Мортифер назвал сумму. Не удивился. Уже привык.

— Время?

— Восемнадцать месяцев.

Тишина.

— Когда начинаем? — спросил Локейрин.

— Вчера, — ответил Мортифер.

Улыбнулся. И пошёл дальше по коридору. В зале советов — за закрытой дверью — они строили город. Такой же чёрный. Такой же живой. Такой же наш. А внизу, за окном, Ноктэрра дышала. Принимала их правила. Подчинялась их воле.

Они учились быстро.

Я занимался.

Слово «работа» в этом мире оказалось шире, чем в Мортум-Кере. Там я управлял тенями, армиями, границами. Здесь — цифрами, людьми, контрактами. Но суть не изменилась. Везде нужна власть. Везде нужно держать руку на пульсе. Везде — смотреть вперёд, чтобы никто не ударил в спину.

Мои дни начали подчиняться ритму, которого не знал раньше. С утра — отчёты. Толстые папки, чёрные кожаменители, на каждом — золотом: «Конфиденциально». Садился в кабине, за столом, включал настольную лампу и погружался.

Цифры. Сначала они рябили в глазах. Тысячи, миллионы, проценты, пункты, коэффициенты. Не понимал половины терминов — но быстро учился. Мортифер оставлял на полях пояснения — сухие, чёткие, как военные сводки. Локейрин иногда заходил, садился в кресло напротив и молчал. Читал, он ждал. Если появлялся вопрос — он отвечал. Коротко. По делу. Без воды.

- Почему здесь убыток?
- Сезонный спад. В четвёртом квартале всегда так.
- А здесь — рост?
- Новая маркетинговая стратегия. Сработала лучше прогнозов.
- Кто автор?
- Команда из пяти человек.
- Премировать.

Локейрин кивал и делал пометку в своём блокноте.

Потом — инвестиции. Приносили досье на стартапы, компании, фонды. Фотографии основателей, их биографии, финансовые модели, прогнозы. Смотрел на лица. Читал между строк. Искал тех, кто не врёт. Или врёт, но талантливо.

- Этот — жулик, — сказал про одного, указывая на его улыбку. — Отказать.
- А этот? — спросил Варидан, протягивая другую папку.
- Этот — фанатик. Такие или сгорают, или строят империи. Сумму, которую он просит — не жалко. Дать.

Варидан усмехнулся.

- Ты даже не посмотрел цифры.
- Я посмотрел на его глаза. Цифры подгонят.

Биржи. Это была стихия Мортифера. Он сидел у экранов, смотрел на графики, которые ползли вверх и вниз, и его глаза не упускали ни одного движения. Входил в сделки, когда другие паниковали. Выходил — когда другие бежали.

- Покупаем?
- Ждём, — отвечал он. — Сейчас начнётся коррекция.
- Когда?
- Через три минуты.

Не знал, как он это делает. Может, чутьё. Может, опыт. Может, его магия уже начинала просыпаться — не как сила, а как шестое чувство. Он чувствовал рынок. Как дракон чувствует ветер.

Не лез. Спрашивал только итоги. В конце месяца — отчёт. Если цифры зелёные — молчал. Если красные — смотрел на Мортифера. Он отвечал без оправданий:

- Ошибся. В следующий раз будет иначе.
- Хорошо, — говорил я.

Ошибки он признавал редко. И никогда не повторял их дважды.

Транзакции. Крупные суммы уходили со счетов и приходили на счета. Подписывал разрешения — иногда по десять-пятнадцать в день. Нервы привыкли к нулям. Миллион, десять, сто. Разница была только в количестве бумаги.

Тейрн, который иногда заходил в кабинет с отчётами по безопасности, однажды спросил:

- Ты не боишься, что кто-то украдёт?
- Украдёт что?
- Деньги.
- Пусть попробует, — ответил я.

Не договорил. Но он понял. Тот, кто украдёт у меня — не проживёт долго. Даже в этом мире. Даже без магии.

Контракты. Их приносили в толстых папках, с синими печатями, с сотнями страниц мелкого текста. Юристы уже всё проверили, подсветили риски, оставили пометки. Читал только главное. Кто. Сколько. Сроки. Ответственность.

- Этот пункт убери.
- Но он стандартный, — возражал юрист.
- Я сказал — убери.

Он убирал. Контракты подписывались. Деньги переводились. Город рос.

Занимался и дальше. Входил в ритм. Учился доверять цифрам и не доверять людям. Отличал перспективные проекты от пустышек. Нажимал кнопки на телефоне, который стал моим оружием — вместо меча.

Иногда — заходил в зал совещаний, где Мортифер, Локейрин и Тейрн раскладывали свои бумаги, пили виски и молчали. Присаживался к ним. Слушал про строительство высоток, про фонды, про налоговые схемы. Кивал. Иногда спрашивал.

— Как думаете, она бы одобрила? — спросил однажды.

Локейрин поднял голову. Посмотрел на меня.

— Она бы сказала, что ты слишком много работаешь, — ответил он.

— И что ты мало ешь, — добавил Тейрн.

— И что мы все — идиоты, — закончил Мортифер.

Замолчали. Потом Варидан поднял бокал.

— За неё.

— За неё, — ответили мы.

Занимался. Учился. Строил. Но всё, что делал — было для неё. Чтобы, когда она откроет глаза, ей не нужно было ни о чём беспокоиться. Только дышать. Только жить.

Марта не стала вникать в биржи и контракты. Это не её. Её стихия — информация. Тайны. Люди, которые думают, что их никто не видит.

Она создала сеть. Не фирму, не корпорацию — сеть. Из официанток, горничных, секретарш, администраторш, девушек в клубах и женщин за стойкой регистрации. Тех, кто видит, слышит, знает — но молчит. Пока не придёт Марта.

— Мне нужны глаза, — сказала она мне, когда мы обсуждали распределение ролей. — Ваши — смотрят вверх. Мои — смотрят вниз. Туда, где копошатся те, кто думает, что их не увидят.

Она встречалась с ними в кафе, в парках, на задних дворах. Меняет облики — магия спит, но грим и парики никто не отменял. Иногда приходила как старуха, иногда — как молодая девушка, иногда — как мужчина в дешёвом костюме.

— Что слышно? — спрашивала она.

Ей рассказывали. Она знала, у какого чиновника любовница, какой полицейский берёт взятки, какой бизнесмен готовит переворот в совете директоров. Знает, где и когда будут обыски, кто переводит деньги на офшоры и у кого утром дрожали руки.

Она не записывала. Не фотографировала. Она запоминала. А потом приходила ко мне.

— У нас проблема, — говорила она. Или: — Ничего серьёзного. Но присмотрите за этим.

Не спрашивал, откуда она знает. Просто принимал меры.

Иногда она действовала сама. Звонила кому-то, встречалась, говорила несколько слов. После этих разговоров люди становились тише. Или исчезали.

— Ты не боишься, что тебя вычислят? — спросил её однажды.

— Пусть попробуют, — ответила она. И улыбнулась той самой улыбкой, от которой у врагов подкашивались колени. — Я была ведьмой, когда их прапрадеды ещё не родились.

Адриан получил всё, что касается людей. Их желания, слабости, пороки. Не потому что он жесток — потому что он понимал. Он Генерал Порока. Он знает, чего хотят люди, даже когда они сами этого не знают.

Он управлял сетью клубов, баров, казино и закрытых вечеринок. Не дешёвых — элитных. Таких, куда попадают по приглашениям. Где вино стоит как машина. Где обслуживают те, кто умеет молчать. Где можно всё — если знаешь, кому и сколько заплатить.

— Это не про секс, — объяснял он мне, когда я спросил. — Это про власть. Люди приходят не за этим. Люди приходят чувствовать себя живыми. Я даю им такую возможность.

Он знал каждого важного человека в городе. Их вкусы, их слабости, их тайны. Знал, кто с кем спит, кто кого ненавидит, кто готов на всё ради контракта. Он не шантажировал — это примитивно. Он просто предлагал.

— У тебя проблемы с конкурентом? Приходи в мой клуб. Отдохни. Поговорим.

И после таких разговоров конкуренты либо становились партнёрами, либо исчезали. Адриан не мараёт руки. Он просто создаёт обстоятельства.

Иногда он приходил ко мне с папкой.

— На этого обрати внимание, — говорит он, кладя передо мной фотографию, досье, отчёт.

— Почему?

— Он думает, что умнее нас. Такие долго не живут.

Кивал. Мортифер получал задание.

Адриан не менялся. Всё так же расстёгивал рубашку на три пуговицы, пил дорогой виски и флиртовал с каждой женщиной, которая попадалась на глаза. Марта называла его «невыносимым», но я замечал — она улыбается, когда он входит в комнату.

Они с Вариданом иногда соревновались — у кого клуб лучше, у кого девушки красивее, у кого доход выше. Адриан обычно выигрывал. Он знает пороки людей. И умеет на них зарабатывать.

— Мы не меняем мир, — сказал он мне однажды. — Мы просто собираем плату за то, что он такой, какой есть.

Не спорил. Он был прав.

Глава 5.

Прошло два месяца.

Киан гонял по учебной трассе с утра и по ночам. Садился в разбитую Audi — ту самую, первую, которую Дин пригнал для уроков, — и выжимал газ до отказа. Асфальт плавился под колёсами, шины выли, двигатель ревел — и Киан летел.

Иногда он врезался в столбы. Разбивал передний бампер. Потом — задний. Потом — и тот, и другой. Дин вздыхал, вызывал эвакуатор, заказывал новые детали. Киан стоял на обочине, смотрел на смятый металл и молчал. Не оправдывался. Не злился. Просто — молчал. А потом садился в другую машину и начинал заново. Он не сдавался. Киан не знал такого слова.

Он входил в повороты резко, на грани, на пределе. Машину заносило, визжали шины, пахло горелой резиной — но он держал руль, выравнивал, выжимал газ снова. Пока однажды не понял: скорость — не враг. Враг — страх. А у него страха не было.

Он научился чувствовать машину. Её вес, её дыхание, её душу. Входил в повороты не как в битву — как в танец. Плавно. Мягко. Как река, которая огибает камни, не борясь с ними, а принимая их.

Диар был другим. Он не гонял. Он изучал.

Каждая машина, которая попадала в гараж, становилась для него книгой. Он открывал капот, смотрел на двигатель, слушал. Не ушами — телом. Как он слушал металл в кузнице Стерна, как слышал песню Астреля и Погибели.

— Эта поёт басами, — сказал он про X5 M, которую Дин пригнал для теста. — Глухо. Утробно. Как зверь перед прыжком.

— А эта? — спросил я, указывая на чёрный Mercedes-AMG.

— Эта — сопрано. Высоко, чисто, почти больно.

Он менял машины. Садился за руль, выезжал на трассу, возвращался через час, два, три. Не разбивал. Не врезался. Просто — ездил. Слушал. Запоминал.

— Я хочу попробовать электрическую, — сказал он однажды.

— В гараже есть, — ответил Варидан. — Таусан.

Диар сел за руль, выехал, вернулся через полчаса.

— Тишина, — сказал он. — Она не поёт. Она молчит.

— И как? — спросил я.

— Интересно, — ответил он. — Но не моё.

Миар выбрал сразу. Не колеблясь. Не сомневаясь.

Приехали в автосалон — тот самый, которым владел Варидан через подставные компании. Ряды машин блестели под светом, пахло кожей, пластиком, чем-то новым и чужим. Миар прошёл мимо BMW, мимо Mercedes, мимо Audi. Не останавливался. Смотрел вперёд.

Он остановился у неё. Porsche Panamera Turbo S. Чёрный. Глубокий. В цвете, который назывался «Чёрный сапфир». Не матовый — сияющий, переливающийся, как ночное небо в горах, когда нет облаков.

Миар провёл пальцем по капоту. Осторожно. Почти невесомо.

— Эта, — сказал он.

— Почему? — спросил Киан.

— Она тихая, — ответил Миар. — Но я слышу её за километр.

Он сел за руль. Выехал. Вернулся через сорок минут. Его лицо было спокойным — таким же, как всегда.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Всё.

Не спорили. Миар не ошибался.

Киан однажды приехал на своей машине — новой, целой, без единой царапины. Вышел из неё, посмотрел на меня, улыбнулся.

— Всё, — сказал он. — Я понял.

— Что понял?

— Машина не враг. Она — продолжение. Как меч. Как клинок. Как руки.

Диар в тот же день разобрал двигатель своей М5 и собрал заново. Быстрее, чем в прошлый раз. Механик, который наблюдал, открыл рот, потом закрыл, потом ушёл пить успокоительное.

Миар просто сидел в своей Panamera в гараже, не заводя двигатель. Слушал тишину. И улыбался.

Диар зашёл ко мне в кабинет в «Обсидиановых высотках».

Услышал его шаги ещё до того, как дверь открылась. Тяжёлые, уверенные, но без той резкости, которая бывает у Киана. Диар двигался плавно, входил в пространство, как хищник, который не охотится — просто осматривает территорию.

Дверь открылась. Он вошёл. Чёрный костюм, белая рубашка, без галстука. Волосы убраны назад — ни одной пряди на лбу. Лицо спокойное, непроницаемое, но знал — это маска. У него внутри что-то кипело.

Он сел в кресло напротив моего стола. Не спросил разрешения — это было не нужно. Откинулся на спинку, положил руку на подлокотник. Потом потянулся к бару — тому самому, забитому до потолка, — достал бутылку виски, налил себе в бокал. Покрутил его в руке. Посмотрел на свет — янтарная жидкость блеснула, оставляя маслянистые следы на стенках.

Сидел молча. Смотрел на него. Не спрашивал, зачем пришёл. Не торопил. Если Диар пришёл — значит, есть что сказать. Он не тратит слова на пустое.

Тишина затягивалась. Бокал в его руке вращался — медленно, плавно, как качели.

— Я хочу BMW XM, — наконец сказал он.

— Хорошо.

Коротко. Без лишних вопросов. Если сын просит машину — сын получает машину.

Он кивнул. Сделал глоток виски — не залпом, а маленький, пробующий. Поставил бокал на стол.

— И Cadillac Escalade, — добавил он.

— Хорошо.

Ни паузы. Ни сомнения. Никаких «зачем тебе две». Если нужно две — будут две.

Диар посмотрел на меня. В его глазах — спокойных, как ночной океан, — мелькнуло что-то. Удовлетворение? Благодарность? Не разбирал. Он не привык показывать эмоции.

— Спасибо.

— Не за что.

Он допил виски. Поставил бокал на стол — ровно, на то же место, где стоял его бокал в прошлый раз. Заметил. Он всегда ставил на одно место.

— Я пойду, — сказал он, поднимаясь.

— Иди.

Он вышел. Дверь закрылась бесшумно.

Остался один. За окном горел город. На столе — пустой бокал, который он не убрал. Обычно он убирал. Сегодня — забыл. Или не захотел.

Повернулся к компьютеру, открыл почту, нашёл письмо Варидана с контактами дилерских центров. Написал коротко: «BMW XM, Cadillac Escalade. В чёрном цвете. Для Диара». Отправил.

Через минуту пришёл ответ: «Будут завтра».

Закрыв ноутбук, откинулся на спинку кресла. Сын попросил — дал. В этом мире это было просто. Никаких клятв, никаких войн, никаких пророчеств. Только две машины. И тишина в кабинете.

Хорошо.

За окнами «Обсидиановых высоток» горел ночной Ноктэрра. Огни, реклама, бесконечные реки машин. Сидел во главе стола. Столешница холодила ладони. Мортифер разложил бумаги — сухие, с печатями, с цифрами. Тейрн стоял у стены, сложив руки на груди. Варидан развалился в кресле, крутил ручку. Локейрин, как всегда, с полуулыбкой.

— Клуб «Исток», — начал.

Мортифер пододвинул первый лист. Отодвинул его. Не хотел читать — хотел видеть. И видел.

— Здание — массивный монолит из полированного чёрного обсидиана с золотыми прожилками. Вход — тяжёлые глухие двери из тёмного металла. Никакого стекла. Только сила. Только вес. Широкая лестница с красной ковровой дорожкой. По бокам — охрана. Высокая, мощная, в чёрном. Не пропустят никого, кого не знает.

Перевёл дыхание.

— Внутри — два этажа. Первый — танцпол, две огромные барные стойки из чёрного обсидиана, золотые полки с бутылками по всей стене. Диваны — чёрные и тёмно-бордовые, бархатные, низкие. Второй этаж — балкон с коваными перилами, приватные кабинки, скрытые тяжёлыми бордовыми шторами. Внутри — чёрный бархат. Только для своих.

— Сцена? — спросил Локейрин.

— Центральная, в дальнем конце зала. Подвесная. Свет — только золотой и красный. Тени — везде.

— Узнаю руку, — усмехнулся Варидан.

— Там не будет дешево, — сказал Мортифер.

— Там будет дорого, — ответил. — И правильно.

— Отель «Аурэль».

Следующая папка.

— Здание в историческом центре. Нижняя часть — широкий монолит из чёрного обсидиана, парадная лестница, красная ковровая дорожка. Верхняя — стеклянная башня, уходящая в звёзды. Вертикальные золотые панели по фасаду.

— Не стесняется, — заметил Локейрин.

— А зачем? Её имя — на вывеске. «AUREL». Светящееся, золотое, с неба видно.

— Парковка?

— Перед входом — гиперкары. Не простые машины — статус. Чтобы каждый, кто подъезжает, знал: он не в гостиницу заселяется. Он входит в её мир.

— Номера? — спросил Мортифер.

— Сорок люксов, три пентхауса. Везде — чёрные лилии. Живые. Ежедневная смена.

— Кто будет этим заниматься? — спросил Тейрн.

— Наймём. Но управляющий — только свой.

Тейрн кивнул.

— Ресторан «Чёрные лилии».

Третья папка. Даже не открыл.

— Отдельное здание. Стекло, бетон, чёрный обсидиан. Внутри — высокие потолки, золотые цепи люстр, свечи на столах из чёрного камня. Стулья — бархатные, глубокого изумруда и винного красного. Тени — везде. Стены — тёмный камень, по нему текут золотые вены.

— Везде цветы? — спросил Варидан.

— Везде. Чёрные лилии в огромных напольных вазах. Не букеты — рощи. Чтобы запах был. Чтобы каждый входящий забывал, где он.

— И запоминал, чьё это место, — добавил Локейрин.

— Именно.

— Винная карта? — спросил Мортифер.

— Тысяча позиций. Не меньше.

Он кивнул.

— Автосалон «Valorian Motors».

Произнёс это имя и почувствовал, как воздух в комнате стал плотнее.

— Отдельное здание. Пространство огромное, широкое, давящее. Пол — чёрный мрамор, зеркальный. На подиумах из чёрного обсидиана — машины. Редкие, злые, быстрые. Свет — резкий, направленный. Без мягкости. Без полутонов.

— Стены? — спросил Тейрн.

— Матовый чёрный камень с тонкими золотыми прожилками. Глянец только на полу. Всё остальное — глухое, плотное, закрытое. И — лаунж-зона в углу. Кожаные диваны цвета запёкшейся крови.

— Кто будет встречать? — спросил Варидан.

— Только по записи. За два-три месяца. Чтобы попасть внутрь — нужно захотеть. И чтобы тебя захотели.

— Дорого, — повторил Мортифер.

— Бесценно, — ответил.

— Диар будет главным. Проверять каждую машину, каждую деталь. Киан — мотоциклы, весь верхний этаж. Миар — сделки, финансы, контракты. Это не бизнес для посторонних. Это её наследие.

— Valorian Motors, — тихо повторил Локейрин. — Звучит как приговор.

— Как обещание, — поправил.

Тишина. Только часы на стене. Только чуть шуршали бумаги.

— Бюджет, — наконец произнёс Мортифер.

— Назови.

Он назвал сумму.

— Через месяц всё должно быть готово.

— Клуб — раньше, — сказал Варидан. — Там уже почти всё.

— Значит, через две недели открываем.

— А она? — спросил Тейрн. Голос его был ровным, без эмоций. Но вопрос — не праздный.

— Она ещё спит, — ответил я. — Но мы не ждём, пока проснётся. Мы готовим.

Варидан поднял бокал.

— За неё.

— За неё, — ответили мы.

За окном горел город. Ноктэрра дышала, жила, строилась. Для неё. Мы выпили. И продолжили.

Вечером, дома, позвал сыновей.

Киан, Диар, Миар сидели в гостиной. Киан — с журналом про мотоциклы, Диар — с книгой по двигателям, Миар — с закрытыми глазами. Сел напротив.

— Valorian Motors, — сказал. — Ваш. Все трое.

И рассказал всё. Про салон, про машины, про мотоциклы, про лаунж с кроваво-красными диванами. Про имена на вывеске, которые будут гореть в центре Ноктэрры.

— Диар — главный по машинам. Проверять каждую. Слышать каждую.

Он кивнул — коротко, по-своему.

— Киан — мотоциклы. Весь верхний этаж. Чтобы летали.

— Улетят, — усмехнулся Киан.

— Миар — сделки. Контракты. Если ты сказал «нет» — значит, нет.

Миар открыл глаза. Посмотрел на меня. Кивнул.

— Мама бы гордилась, — сказал Киан.

— Да, — ответил. — Она бы гордилась.

Замолчали. За окном шумело море. Где-то там, в белой палате, она спала. Но мы строили для неё мир. Клуб, отель, ресторан, автосалон. Чёрный обсидиан, золотые прожилки, красный бархат и чёрные лилии. Её мир. Который будет ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.